

Ю.А.Твоздарев

**РАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
СОЧЕТАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО
ЯЗЫКА**

Ростовский-на-Дону ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет

Ю. А. ГВОЗДАРЕВ

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1973

*Печатается по постановлению Ученого совета
филологического факультета Ростовского-на-Дону
ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета*

Ответственный редактор *Ю. В. Коваленко*

Рецензенты:

канд. филологич. наук *И. А. Федосов*,
канд. филологич. наук *В. П. Малащенко*

Ю. А. Гвоздарев. Фразеологические сочетания современного русского языка. Издательство Ростовского университета, 1973.

104 стр.

В книге исследуется наиболее многочисленный разряд фразеологических единиц русского языка — фразеологические сочетания. Монография состоит из двух частей. В первой части рассматривается понятие фразеологически связанного значения слов, дается классификация фразеологических сочетаний, описываются серии фразеологических сочетаний русского языка; во второй — описываются субстантивно-глагольные фразеологические сочетания и анализируются их лексико-семантические и грамматические свойства.

Монография рассчитана на научных работников, аспирантов, студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов и учителей русского языка средних учебных заведений.

7—1—2
40—73М

© ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1973.

ВВЕДЕНИЕ

Фразаеология в настоящее время привлекает к себе внимание многих исследователей. Объясняется это, видимо, тем, что с ее изучением связаны многие проблемы, касающиеся значимых единиц языка, лексико-семантической сочетаемости слов и других сложных явлений языка. Немало сделано для выявления, изучения и описания фразеологического состава языка, однако многие вопросы фразеологии остаются до сих пор нерешенными, спорными, требующими дальнейшего изучения.

Ряд спорных вопросов связан с особым типом фразеологических единиц (ФЕ) русского языка, получивших в работах акад. В. В. Виноградова наименование «фразеологических сочетаний» [1, 2, 3]. Расположенные между двумя полярными типами словосочетаний — фразеологическими единицами «с общим неразложимым значением» и обычными, «свободными словосочетаниями», — они еще не подвергались обстоятельному изучению. Сами фразеологические сочетания (ФС) русского языка не выявлены, не изучены в должной мере их природа и особенности, не установлены их типы.

В классификации ФЕ русского языка, разработанной В. В. Виноградовым, выделены, как известно, три основных типа ФЕ: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Последние противопоставлены фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам как «семантически неразложимым» образованиям, т. е. таким, в которых значения компонентов не могут быть определены, а общее значение не вытекает непосредственно из значений составляющих единицу слов.

Фразеологические сочетания характеризуются В. В. Виноградовым как «аналитичные» образования. Их «аналитичность» усматривается в нескольких признаках: во-первых, в составе фразеологического сочетания «лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное», во-вторых, даже значение несвободного компонента «может быть описано, определено, выражено синонимом» [3, стр. 27]. Семантически неразложимые

ФЕ, отмечает В. В. Виноградов, не допускают такой синонимической замены ни одного из компонентов.

Кроме названных признаков, В. В. Виноградов указывает еще некоторые: фразеологические сочетания воспроизводятся, а не образуются в речи, они не имеют омонимов среди свободных словосочетаний. Однако эти признаки мало способствуют различению семантически неразложимых и аналитичных ФЕ. Первый из них, наоборот, сближает рассматриваемые разряды фразеологических образований.

В целом фразеологические сочетания определяются В. В. Виноградовым как «тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов» [3, стр. 27].

Поскольку в основу этого определения положено понятие «несвободного, фразеологически связанного значения слова», особую роль для понимания категории фразеологических сочетаний играет учение В. В. Виноградова о разных типах лексических значений слова [4].

Наблюдения над характером особых значений слов, получивших теперь название «несвободных», или «фразеологически связанных», проводились отдельными русскими лингвистами и ранее. Так, проф. В. К. Поржезинский, рассматривая явление сужения значений слов, отмечал такие случаи, когда изменение значения возможно лишь в составе определенного словосочетания или ряда словосочетаний, например: слово «проводить» обнаруживает особое значение в составе словосочетаний *проводить праздники, проводить время, проводить день* [5, стр. 147]. Однако впервые «свободные» и «несвободные» значения слов были четко противопоставлены в работах В. В. Виноградова.

Фразеологически связанные значения слов, по определению В. В. Виноградова, «замкнуты в пределы узкого контекста» и могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений, при этом «для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий, явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений» [1, стр. 62]. Последнее замечание крайне важно, однако до сих пор такие законы не выявлены.

Особо подчеркивается им мысль, что различие между свободными и несвободными значениями слов не сводится только к количественной сочетаемости, оно качественное [1, стр. 65]. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н. Н. Амосовой о том, что понимание «свободы» значения слова в учении В. В. Виноградова сводится только «к комбинаторной валентности слова» [6, стр. 31].

К фразеологически связанным В. В. Виноградов относит в основном переносные значения слов. Однозначные слова, обладающие крайне ограниченной способностью к сочетаемости (типа *щ у-*

рить глаза), не относятся к числу слов с фразеологически связанными значениями, хотя их функционирование как будто ничем не отличается от слов с «фразеологически связанными значениями». Здесь надо согласиться с замечанием Д. Н. Шмелева о том, что в этом случае «учитывается одновременно (и нерасчлененно) и семантическая структура слова, и характер его синтагматических связей» [7, стр. 218]. Последовательное различие этих двух сторон явления позволит выделить различные типы фразеологически связанных значений слов.

Учение В. В. Виноградова о «свободных» и «несвободных» значениях слов уже нашло практическое применение в отечественном языкознании. Его важность и ценность представляются бесспорными. Однако само понятие «фразеологически связанного значения слова» нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем уточнении. Так, предпринята попытка выделять фразеологически связанные значения слов в «Словаре современного русского литературного языка» [8], где «с целью наиболее четкого показа живых значений в слове и их оттенков всякое фразеологическое, связанное употребление слова или выпадающая из системы значений его отдельная форма помещается в словарной статье за знаком тильды...» [8, т. 4, стр. 5].

Стремясь более тонко различать значения ФЕ, авторы словаря помещают их вслед за соответствующим значением слова, «при известной связанности с определенным значением», а при отсутствии такой связи — в конце словарной статьи. Но решить, когда значение слова «выпадает из системы значений», оказывается нелегко. Среди ФЕ, приводимых в конце словарной статьи, часто оказываются и семантически неразложимые единицы, и явные фразеологические сочетания. Например, в конце словарной статьи слова «играть» [8, т. 5, стр. 28—30] приводятся следующие образования: *играть глазами, играть жизнью, играть комедию, играть на нервах, играть песню, играть роль, играть свадьбу, играть словами*.

Показателен и другой пример. Авторы «Фразеологического словаря русского языка» ставили перед собой задачу дать в нем только семантически неразложимые ФЕ [9, стр. 14]. На самом деле в словаре оказались представленными многочисленные ФС типа *резать глаз, слабый пол, яблоко раздора, решаться ума* и т. п. Это еще раз свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения категории фразеологических сочетаний в связи с общей теорией фразеологии и фразеографии.

В литературе вопроса можно встретить различное отношение к категории фразеологических сочетаний. Однако существование таких образований в современном русском языке (да и не только русском) признается большинством ученых. Дискуссия ведется лишь по поводу отнесения этих образований к фразеологическому

составу языка, по поводу изучения их в рамках фразеологии как науки.

Причина этого прежде всего в слабой разработанности общих теоретических положений, в отсутствии единого понимания объектов фразеологии, признаков фразеологической единицы.

Фразеологические сочетания явились тем водоразделом, который разграничивает фразеологию «в узком смысле» и фразеологию «в широком смысле», как это предложил С. И. Ожегов [10]. Такое разграничение основано на том, что «собственно фразеологические единицы», составляющие объект изучения фразеологии в «узком смысле», обладают целостностью значения. Фразеологические сочетания в концепции С. И. Ожегова входят лишь во фразеологию «в широком смысле». Однако уже отмечалось, что эти критерии оказались весьма относительными [11, стр. 266], ибо понятие «целостности значения» во многом остается неопределенным. С. И. Ожегов понимал под «целостностью значения» соотношенность общего значения ФЕ со значением отдельного слова [10, стр. 40—42]. Если пользоваться этим критерием целостности, то следует признать «целостными» по значению и многие свободные словосочетания на той лишь основе, что они имеют в современной системе лексики русского языка слова-эквиваленты, которые полностью передают то же значение, что и они сами, например: *меткий стрелок* — снайпер, *просить милостыню* — побираться и т. д. С другой стороны, многие ФС также имеют соотносительные по значению слова-эквиваленты в системе лексики: *навести справки* — справиться, *потупить голову* — потупиться, *толкучий рынок* — толкучка и т. п.

Шаткость этого критерия оказывается еще более очевидной, если учитывать, что далеко не всякая семантически неразложимая единица может быть определена одним словом, и именно в этом обнаруживается ложность избыточности ФЕ. Не случайно В. И. Ленин отмечал, что «бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» [В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 138]. Действительно, вряд ли можно определить с помощью одного слова сложные понятия, заложенные во ФЕ *чудеса в решете*, *прокрустово ложе*, *козел отпущения* и т. п.

Существуют и другие взгляды на фразеологические сочетания русского языка: они не включаются в состав фразеологии на том основании, что в их составе слова имеют самостоятельное значение. Р. Н. Попов и М. И. Сидоренко пишут: «Трудно согласиться с включением во фразеологический состав таких сочетаний слов, как *просить прощения*, *бросить взгляд*, *окинуть взглядом* ... *производить впечатление* и т. п. Все эти единицы представляют собой свободные словосочетания, компоненты которых сохраняют свое лексическое значение, а содержание целого определяется значе-

ниями его составляющих» [12, стр. 112]. Примерно такое же отношение к фразеологическим сочетаниям встречается и у В. П. Жукова. «Связанное значение, — пишет он, — является общественно закрепленным, социально значимым (узуальным), а слово с таким значением не теряет многих своих категориальных качеств, кроме денотативной соотнесенности. Вследствие этого слова со связанным значением могут вступать в антонимические или синонимические отношения с другими лексическими единицами... (ср.: *расквасить нос — разбить нос, закадычный друг — заклятый враг*)» [13, стр. 103]. Компоненты фразеологических единиц, по мнению В. П. Жукова, всегда обнаруживают десемантизацию, поэтому «фразеологизм начинается там, где воспроизводимость слов заменяется воспроизводимостью компонентов, т. е. частей фразеологизма, лишенных «словесных» признаков» [13, стр. 104].

Аргументы, приводимые В. П. Жуковым, отмечают принципиальное различие между ФС и ФЕ с неразложимым значением. Однако они еще не дают оснований выводить ФС за пределы фразеологии. Можно, например, указать на антонимическую противопоставленность за счет одного компонента у неразложимых ФЕ: *заварить кашу — расхлебывать кашу, повернуться лицом — повернуться спиной, птица высокого полета — птица низкого полета* и т. д. Таким образом, видимо, нет достаточных оснований говорить о полной десемантизации компонентов в составе этих образований.

При понимании фразеологии «в широком смысле» исходят обычно из того, что в языке существуют образования, объединение компонентов в составе которых не моделировано, представляет собой узко ограниченную сочетаемость, причем сочетаемость принудительную. В составе ФС такая сочетаемость может быть ограничена всего лишь одним-двумя словами. При этом, как отмечал В. В. Виноградов, для такого ограничения не обнаруживается видимых причин. В связи с этим можно сказать, что фразеология начинается там, где для носителей языка что-то оказывается непонятным, не поддающимся точному определению, осмыслению, в результате чего требует простого запоминания. Такое «непонятное» начинается именно с фразеологических сочетаний.

Определяя задачи фразеологии, В. Л. Архангельский пишет: «Необходимо выяснить действие внутренних законов русского языка в различных явлениях образования фразеологических единиц, изучить роль разных семантико-грамматических групп слов в образовании разных типов устойчивых словосочетаний, общенародных по семантике и употреблению, уяснить закономерность внутренней связи сочетающихся слов и словесных значений в составе фразеологических единиц разнообразных разрядов» [14, стр. 55—56]. Решению этих задач во многом должно способствовать изучение фразеологических сочетаний, поскольку именно в этих аналитич-

ных образованиях лучше всего прослеживаются внутренние закономерности сочетаемости слов с несвободными значениями.

Настоящая работа посвящена синхронному исследованию фразеологических сочетаний современного русского языка, т. е. бинарных устойчивых образований, состоящих из компонента с фразеологически связанным значением и компонента со свободным значением. Материал исследования ограничен ФС со структурой словосочетания (фразами), так как, во-первых, такая структура наиболее характерна для ФС, во-вторых, ФС со структурой предложения требуют особого рассмотрения в связи с такими признаками, как предикативность, модальность и др. Цель и структуру работы определяет рассмотрение некоторых теоретических вопросов, связанных с категорией фразеологических сочетаний, а также более детальное описание одного из наиболее распространенных разрядов этих образований — субстантивно-глагольных фразем.

ЧАСТЬ I

КАТЕГОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ И ЕЕ ПРИЗНАКИ

Глава первая. ПОНЯТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ

1. Понятие фразеологически связанного значения слова

Понимание фразеологических сочетаний, принятое в данной работе, восходит к концепции В. В. Виноградова, где они определены как «тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов».

В определении В. В. Виноградова основная роль принадлежит характеру компонента с несвободным значением, точнее, его семантическим и синтагматическим свойствам, хотя при этом учитывается, что речь идет не просто о реализации слова с несвободным значением, а о «типе фраз». Таким образом, для выявления самих фразеологических сочетаний важнейшим оказывается понятие фразеологически связанного значения слова.

Фразеологически связанные значения должны быть противопоставлены фразеологически не связанным значениям слов. Обычно они противопоставляются «свободным» значениям, но при этом из поля зрения неизбежно выпадают такие значения слов, которые, будучи фразеологически не связанными, не являются одновременно и «свободными», ибо их употребление ограничивается либо определенными конструкциями, либо синтаксической ролью.

Для определения понятия «фразеологически связанное значение слова» необходимо, во-первых, установить, чем отличается фразеологически связанное значение от фразеологически не связанного, во-вторых, выяснить возможность применения этого понятия к компонентам семантически неразложимых ФЕ.

Последнее объясняется тем, что этот термин широко используется во фразеологии, но часто в специфическом понимании. В настоящее время можно выделить в основном три его толкования:

1) значение слова, которое «замкнуто в строго определенные фразеологические контексты», т. е. реализуется в составе одного или нескольких ФС, выступая в них со словом, имеющим свободное значение [В. В. Виноградов. 1, стр. 62—64];

2) «значение семантически реализуемого слова, зависящее от постоянного, т. е. единственно возможного указательного минимума», причем «указательным минимумом» является слово со свободным значением [Н. Н. Амосова. 6, стр. 59];

3) «значение, приобретаемое словами только в составе фразеологической единицы», например, значение слова «муха» в составе ФЕ *делать из мухи слона* [О. С. Ахманова. 15, стр. 164].

Как видим, основные различия данных толкований сводятся не только к количественным признакам (единичная или неединичная сочетаемость слова с данным значением), но и к качественным. Возникает вопрос о правомерности использования этого термина для обозначения компонентов неразложимых ФЕ.

При сопоставлении слов с фразеологически связанными значениями и с фразеологически не связанными значениями следует установить, в какой степени слово с фразеологически связанным значением утрачивает свои «словесные качества». При этом в виде образца слова с таким значением берется стержневой компонент ФС.

Слово как языковой знак характеризуется рядом признаков: оно цельнооформленно, имеет определенное самостоятельное значение, закрепленное в языке, обозначает какое-то явление действительности, способно сочетаться с другими словами. Кроме этих признаков, есть и другие, однако указанные представляются наиболее важными для намеченных задач.

«Цельнооформленность» слова — важнейший признак, поскольку ФЕ определяется признаком «раздельнооформленности» [16, стр. 33]. Теория цельнооформленности слова в отечественном языкознании наиболее четко разработана А. И. Смирницким. Говоря о цельнооформленности слова, А. И. Смирницкий имел в виду не только фонетико-акцентологические признаки слова, которые считал не очень надежными, но в первую очередь грамматические признаки, морфологическую выделимость слова [17, стр. 189].

Цельнооформленность слов с фразеологически связанными значениями проявляется довольно определенно; они ничем заметно не отличаются от обычных слов со свободными значениями в фонетико-акцентологическом плане, сохраняют грамматические формы, хотя далеко не всегда реализуют полностью все формы, присущие данному грамматическому разряду слов.

Семантическая самостоятельность слова с определенным значением — важнейший признак его как знака языка. Здесь уместно привести определение слова Е. Д. Поливановым: «С. (ловом) называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логи-

чески законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы (например, в диалогах, в вопросах, переспросах, ответах [...]). Кроме этого (главного) критерия — критерия изолируемости (приписываемого Поливанову, а на самом деле указанного уже 70 лет тому назад английским лингвистом Sweetom), С. имеет еще ряд других критериев, различных по языкам» [18, стр. 119].

Признавая главным критерием семантическую самостоятельность слова, нужно отметить семантическую несамостоятельность слова с фразеологически связанным значением как его существенный признак. Именно этим признаком может быть объяснен факт подмены описания фразеологически связанного значения слова описанием значения *всего* ФС, в котором это слово реализуется.

Так, в «Словаре современного русского литературного языка» фразеологически связанное значение слова «резать», которое реализуется в сочетаниях *резать слух, резать ухо, резать глаз*, определено как «производить неприятное впечатление, быть неприятным для зрения, слуха чрезмерной яркостью, резкостью» [8, т. 12, стр. 1142]. Интересно отметить, что точно так же определено общее значение этих ФС во «Фразеологическом словаре русского языка» [9, стр. 388].

Метод субституции, который используется для определения значения слова с фразеологически связанным значением, т. е. замена слова с этим значением в составе ФС синонимичным словом (*коротко знаком — близко знаком, крайний срок — последний срок* и т. д.), дает лишь приблизительное значение этого слова.

Семантическая несамостоятельность слова с фразеологически связанным значением проявляется и в том, что оно не может реализоваться в речи без обязательного слова-спутника: какого-то определенного слова с определенным значением или одного из нескольких слов с определенными значениями. Так, в сочетании *реветь белугой* реализуется фразеологически связанное значение слова «белуга» только с постоянным спутником-словом «реветь» в значении «плакать», а в сочетаниях *тряхнуть стариной, тряхнуть молодостью* слово «тряхнуть» для своей реализации требует одно из двух обязательных спутников: слова «стариной» или слова «молодостью» в данных значениях (и формах).

Осмысление значений слов складывается из различных контекстов, в которых они реализуются. Поскольку фразеологически связанное значение слова «замкнуто» в строго ограниченные контексты, его семантику определить бывает очень нелегко. Б. А. Ларин, который не включал фразеологические сочетания в состав фразеологии, писал, однако: «Если мы имеем лишь два-три варианта сочетаний с каким-нибудь словом, надо относить их к фразеологии, так как в таких случаях обычно нет четкой членимости, нет полной ясности значения слов» [19, стр. 203].

Нетрудно заметить, что в этом случае ставится знак равенства между семантической самостоятельностью значения и узостью сочетаемости слова. На самом деле узость сочетаемости не всегда свидетельствует о семантической несамостоятельности, хотя причинно-следственные отношения между этими явлениями в принципе не вызывают сомнений.

Так, слово «манная» в русском языке обладает довольно узкой лексической сочетаемостью, но семантическая самостоятельность его в словосочетаниях *манная каша*, *манная крупа*, *манные котлеты* очевидна. Об этом свидетельствует и факт субстантивации слова в разговорной речи: *купить манной*, *сделать что-то из манной* и т. д. (ср. также разг.: «манка»).

Указание на обязательное присутствие слова-спутника как на признак семантической несамостоятельности значения слова оказывается необходимым, так как в языке есть слова, выделившиеся из состава ФЕ, сохранившие свое фразеологическое значение, но способные уже к самостоятельному употреблению. Один из примеров такого явления приводит В. В. Виноградов: «Слово может образоваться в результате распада фразеологического оборота. Этот процесс можно наблюдать в истории глагола «семенить». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова значение этого глагола определяется не вполне правильно: «идти, ходить, делая частые мелкие шаги». Кроме того, в современном русском языке «семенить» обычно встречается лишь в составе выражения *семенить ногами* [20, стр. 149].

Действительно, глагол «семенить» в современном русском языке входит в состав выражения *семенить ногами*, ограничивая свое управление лишь этим словом (ранее наблюдалась более широкая сочетаемость этого глагола, например: *А Карней уж стоит ни жив ни мертв: только пальцами семенит — смекает, значит, куда дело клонит*. П. Мельников-Печерский. Поярков). Однако особенность этого глагола в том, что он, выйдя из состава выражения *семенить ногами*, приобрел самостоятельность, вобрав в себя значение всего сочетания: *Старуха... подает дьячку старинные полторы копейки и семенит к алтарю*. А. Чехов. Канитель.

Точно такую же самостоятельность приобрело слово «вороной», допускающее в составе ФС узкую сочетаемость лишь со словами, называющими лошадей: *вороной конь*, *вороной жеребец*, *вороной рысак*, *вороной скакун* (... *тоскую, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой...* М. Лермонтов. Герой нашего времени). Субстантивируясь, это слово употребляется теперь и вне указанных ФС: *После обеда он еще раз промчался на своих вороных перед окнами*. А. Чехов. Цветы запоздалые.

Хотя семантическая несамостоятельность признается ведущим релевантным признаком фразеологически связанного значения сло-

ва, на основе только этого признака нельзя еще достаточно четко разграничивать фразеологически связанные и фразеологически не связанные значения слов. Дело в том, что в русском языке есть служебные слова, не являющиеся полностью семантически самостоятельными, а также слова, утратившие свою семантическую самостоятельность, например, вспомогательные глаголы. Кроме этого, замечание В. В. Виноградова о том, что «степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень разными» [4, стр. 21], применимо и к компонентам ФС.

Семантическая несамостоятельность слов с фразеологически связанными значениями препятствует выполнению ими символической функции знака — функции обозначения. Они не могут являться непосредственно «этикетками знаков». Функцию обозначения в этих случаях выполняет только всё ФС, включающее такое слово. Это положение связывается с утверждением В. В. Виноградова о том, что «слово с фразеологически связанным значением не может быть основой синонимического ряда» [4, стр. 15].

Наконец, слово как языковой знак характеризуется способностью сочетаться, вступать в связь с единицами того же уровня. «Сочетаемость является свойством языковых единиц всех уровней, что определяется функционированием языка как средства общения, ибо необходимость выражения самых различных мыслей при ограниченном количестве единиц языка предполагает в качестве единственно целесообразного и экономного их использования разнообразное комбинирование этих единиц» [21, стр. 3]. Сочетаемость характеризует как слово в целом, так и его лексико-семантические варианты. Причем под сочетаемостью понимается не просто совместная встречаемость, а грамматическое и смысловое объединение.

Для слов, выступающих с фразеологически связанным значением, характерна узкая сочетаемость. Однако представляется целесообразным различать количественную и качественную (семантическую) сочетаемость.

Количественная сочетаемость слов с фразеологически связанными значениями определяется, по нашим наблюдениям, обычно не более чем пятью-семью словами; такого же рода наблюдения встречаются и в других работах [см., например, 22]. Наряду с этим, есть такие фразеологические связанные значения слов, которые допускают сочетаемость слова в данном значении лишь с одним определенным словом, например: *эзопов язык, палочная дисциплина, ума палата, пасть духом* и т. п. Следовательно, «узкая» количественная сочетаемость понимается в указанных пределах.

Ограничить понятие фразеологически связанного значения, как это предлагает Н. Н. Амосова, единичной сочетаемостью нельзя

по ряду причин. Во-первых, далеко не всегда можно точно установить, единичная или неединичная сочетаемость у слова с данным значением, что само по себе уже говорит о том, что единичная — неединичная сочетаемость не является принципиально важной для характеристики того или иного значения.

Так, наряду с сочетаниями *азбучная истина, сизифов труд*, закрепленными в языке, где сочетаемость слов с фразеологически связанными значениями как будто оказывается единичной, встречаем и такие случаи: ... *надо прежде всего помнить некоторые совершенно элементарные азбучные вещи*. И. Зверев. Что за словом? *Невероятно, но во всех искусствах не умирают и едва ли умрут азбучные приемы работы, заучиваемые мастером раз и навсегда*. К. Федин. Костер; *Шаг за шагом оно (анкетное прошлое) напоминало торжество Октября, ... первый веселый удар топора по свежеекоренному бревну — воскрешенный труд, первый вздох мирного возрождения, молодость, детство новой жизни с ее азбучной наукой штопать, починять, ставить латки...* К. Федин. Костер. *Какая это была сизифова работа*. Л. Толстой. Крейцера соната.

И хотя такое расширенное употребление слов с фразеологически связанными значениями признается обычно окказиональным, сам факт допустимости — а нам не кажется такое употребление грубым нарушением норм — подобного расширения употребления весьма показателен.

Во-вторых, ограничение понятия фразеологически связанного значения единичной сочетаемостью такого слова означает искусственное исключение из сферы наблюдений материала, который как раз и позволяет проникнуть в суть явления фразеологически ограниченной сочетаемости, ибо В. В. Виноградов справедливо отметил, что для ФС характерна прежде всего именно серийная сочетаемость стержневых членов.

Качественная сочетаемость слов с фразеологически связанными значениями может заметно отличаться от количественной. Сравним: *гвоздь сезона, гвоздь программы; нести вздор, нести чепуху, нести чушь, нести ахинею, нести окоlesiцу*. В первом случае количественная сочетаемость уже, зато качественная шире, во втором — наоборот. Слова «программа» и «сезон» не являются синонимами, тогда как все переменные члены второго ряда ФС входят в синонимический ряд.

Качественная сочетаемость слов с фразеологически связанными значениями ограничена внутренними законами языка. Иначе говоря, слова с фразеологически связанными значениями сочетаются не на основе понятийной соотнесенности, не на основе совместимости денотатов, с которыми они связаны, а на основе языковых значений. Внешне это проявляется в том, что слова с фразеологически связанными значениями вступают в связь далеко не со всеми

словами, относящимися к той же семантической сфере, что и слова-спутники.

Так, фразеологически связанное значение слова «приподнятый» реализуется со словом-спутником «настроение», но не сочетается с синонимами этого слова, соотношенными с тем же понятием — «состояние», «самочувствие». В свободном словосочетании *тяжелый труд* слово «труд» может быть заменено различными синонимами из ряда синонимов, в который входит и слово «труд», при этом общий смысл словосочетания не изменится: *тяжелая работа, тяжелое занятие*. В составе ФС *египетский труд* возможна замена только одним из синонимов — *египетская работа*, а у ФС *мартышкин труд* замена слова «труд» вообще не допускается. Если при этом учесть, что лексические синонимы отражают «сущность одного и того же явления объективной действительности» [23, стр. 4], различаясь лишь лингвистическими характеристиками, то приведенные примеры подтверждают, что выбор сочетаемости определяется именно этими лингвистическими характеристиками, т. е. слова с фразеологически связанными значениями характеризуются не сочетаемостью понятий, а сочетаемостью языковых значений слов.

Учитывая сказанное, можно выделить три релевантных признака, позволяющих разграничивать слова с фразеологически связанными значениями и слова с фразеологически не связанными значениями:

1) семантическая несамостоятельность слова с данным значением, внешне проявляющаяся в том, что для своей реализации оно требует обязательного присутствия слова-спутника, одного определенного слова с определенным значением или одного из узкого ряда слов с определенными значениями;

2) семантически ограниченная сочетаемость с другими словами, которая определяется не сочетаемостью понятий, а сочетаемостью языковых значений; внешне это проявляется в ограничении сочетаемости со словами, относящимися к той же семантической сфере, что и слово-спутник (слова-спутники);

3) узкая количественная сочетаемость с другими словами.

При таком понимании фразеологически связанные значения слов могут быть как переносными (какими они чаще всего и бывают), так и непереносными, что наблюдается в основном у слов однозначных, не имеющих вообще свободных, фразеологически не связанных значений (например: *угрызения совести, убористый почерк, скалить зубы, плакать навзрыд* и т. п.).

Для определения значения слова как фразеологически связанного необходимо наличие всех трех признаков, поскольку отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует, что перед нами не фразеологически связанное значение, а свободное или такое, которое относится к промежуточной группе значений.

Итак, слова с фразеологически связанными значениями утрачивают отдельные признаки, характеризующие слова как языковые знаки, тем не менее все-таки нет достаточных оснований утверждать, что они полностью теряют словесные свойства.

Образец анализа различных значений слов приводится в таблице 1.

Таблица 1.

Типы значений слов по характеру фразеологической связи

Тип	Примеры	Наличие основных признаков*		
		семантическая несамостоятельность	семантически ограниченная сочетаемость	Узкая количественная сочетаемость
Фразеологически связанные значения слов	<i>Взвинтить</i> (нервы)	+	+	+
	<i>Рассыпаться</i> (в похвалах)	+	+	+
	<i>Шапочное</i> (знакомство)	+	+	+
	<i>Корень</i> (зла)	+	+	+
	<i>Мертвецки</i> (пьян)	+	+	+
	<i>Всеж</i> (взял)	+	+	+
	<i>Таращить</i> (глаза)	+	+	+
Фразеологически не связанные значения слов	<i>Оказать</i> (внимание)	+	+	—
	<i>Дать</i> (гудок)	+	—	—
	<i>Являться</i> (депутатом)	+	—	+
	<i>Вороной</i> (конь)	—	+	+
	<i>Кивать</i> (головой)	—	+	—
	<i>Голубая</i> (чашка)	—	—	—
	<i>Корень</i> (дерева)	—	—	—

* + означает наличие признака; — его отсутствие

Выделенные признаки, характеризующие слова с фразеологически связанным значением, обнаруживаются и у компонентов ФЕ с «неразложимым значением», хотя знак равенства между компонентами ФС и ФЕ с неразложимым значением ставить нельзя.

Прежде всего они существенно отличаются друг от друга тем, что первые допускают субституцию фразеологически связанного члена, тогда как компоненты неразложимых ФЕ такой субституции не допускают. Правда, и у ФС субституция с помощью одного слова не всегда возможна, часто она возможна лишь с помощью словосочетания, например: *час пик* — час наибольшей загруженности работой, *декретный отпуск* — отпуск по беременности, *пиррова победа* — победа, добытая ценой больших потерь.

И все-таки из двух точек зрения на семантику компонентов не-

разложимых ФЕ следует, на наш взгляд, отдать предпочтение той, в которой эти компоненты призаются не «десемантизированными», а рассматриваются как «потенциальные слова», имеющие скрытые значения. О наличии таких скрытых, имплицитных значений говорит, например, существование в языке фразеологических семантических серий, включающих один и тот же компонент в состав разных ФЕ при определенной общности семантики этих образований. Например, в составе ФЕ *птица высокого полета, птица низкого полета, важная птица, вольная птица, видно птицу по полету* и других обнаруживается не только фонетическая общность одного из компонентов, но и общность семантическая: во всех этих образованиях слово «птица» символически обозначает человека, лицо. То же самое обнаруживает и компонент «голова» в составе ФЕ *дубовая голова, садовая голова, светлая голова, забубенная голова* и др. Ю. Ю. Авалиани называет такое явление «семантическим центром типологического ряда» [24, стр. 3], Ф. А. Литвин говорит о «структурном значении компонентов» [25, стр. 133—134].

Как бы это явление ни называлось, важно, что оно обнаруживается разными исследователями. В этой связи сама идея «семантической неразложимости» ФЕ может быть поставлена под сомнение. Если мы рассматриваем ФЕ изолированно, то она оказывается как будто неразложимой, но стоит только провести анализ в связи с системой русской фразеологии, как в этой единице обнаруживаются значимые части, подобно тому как они обнаруживаются у слов при словообразовательном синхронном или диахроническом анализе.

Выделение таких имплицитных фразеологически связанных значений может быть проведено с помощью метода, который назовем синхронно-сравнительным. Сущность его в том, что ФЕ сопоставляется в формальном плане и по значению с другими ФЕ этой же фразеологической системы, т. е. ФЕ данного языка, а также со свободными словосочетаниями. В результате такого анализа обнаруживается общность значения у компонентов, сходных в плане звучания, что и позволяет определять фразеологически связанное имплицитное значение таких компонентов. Например:

важная птица — важная фигура, важная персона;
стреляная птица — стреляный воробей, стреляный волк;

вольная птица — вольный казак, вольный человек;
видно птицу по полету — видно сокола по полету;

птица высокого полета — птица низкого полета.

Как видим, не только компонент «птица» обнаруживает определенное имплицитное значение, повторяющееся в разных ФЕ; но и другие компоненты «проявляют» скрытые в них значения, регуляр-

чно повторяющиеся в разных ФЕ: стреляный = «опытный», вольный = «свободный» и т. д.

Указанный метод анализа восходит к методам, использовавшимся в отечественном языкознании А. М. Пешковским для анализа явлений словообразования [26, стр. 11—12], а также А. А. Шахматовым для анализа словосочетаний русского языка [27, стр. 303].

Имплицитное значение у «неразложимых» ФЕ обнаруживается и в результате сопоставления антонимических пар ФЕ, противопоставленных лишь одним компонентом: *заваривать кашу — расхлебывать кашу, повернуться лицом — повернуться спиной, провести грань — стереть грань* и т. п.

Наконец, существование имплицитных фразеологически связанных значений объясняет возможность авторского варьирования ФЕ, когда в состав неразложимой ФЕ вводятся дополнительные компоненты или одни компоненты заменяются другими, причем общее значение ФЕ все-таки сохраняется, оно лишь приобретает дополнительную экспрессивную окраску. Например: *Голливуд выпустил фильм об убийстве Распутина. Это была очередная американская клюква из русской жизни*. Л. Любимов. На чужбине (ср.: развесистая клюква). — *Хромает он на правую ножку. Факт! — думал он, выходя из райкома*. М. Шолохов. Поднятая целина (ср.: хромать на обе ноги). — *Юра, не отставай! — закричала, посмеиваясь Женья. — Оттопчу пятки! — Юрий ничего не ответил, лишь мотнул головой. «Попробуй, ноги коротки» — говорил этот кивок*. В. Баныкин. Четыре дня на «Соколе» (ср.: руки коротки).

Особо следует остановиться на случае, когда в результате замены в состав ФЕ входит слово со свободным значением, а все образование все-таки не утрачивает своего общего значения: *тертый калач*, ср.: *Но едва ль уже мой Теркин, жизнью тертый человек, при девчонках на вечорке помышлял курить «Казбек». Пусть он в общем тертый малый... Твардовский. Василий Теркин. Тертые репортеры встретили его слова с усмешкой*. Л. Корнеев. Промышленный шпионаж.

2. Общие признаки фразеологических сочетаний

Для определения фразеологических сочетаний как особого типа ФЕ оказывается недостаточно указать на наличие слова с фразеологически связанным значением, так как только с помощью этого признака нельзя разграничивать ФС и ФЕ других типов. Поэтому следует рассмотреть другие признаки, присущие всем ФС.

В составе ФС, кроме слова с фразеологически связанным значением, всегда есть слово с фразеологически не связанным значением, т. е. такое, которое не обнаруживает трех указанных выше

признаков. Наличие компонента с фразеологически не связанным значением — важный признак, способствующий отделению ФС от других типов ФЕ. Именно этот признак позволяет определить ФС в наиболее трудных случаях.

Так, ФЕ *яблоко раздора* обычно относят к числу семантически неразложимых выражений. Однако в составе этого выражения, наряду с компонентом, имеющим фразеологически связанное значение — «яблоко», имеется компонент со свободным значением — слово «раздор», ср.: *причина раздора, основание для раздора* и т. д. — *Старшей дочери было уже шестнадцать лет, еще один ребенок умер, и оставался мальчик — гимназист, предмет раздора.* Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Учитывая эти обстоятельства, все образование следует определить как фразеологическое сочетание.

Исследователи обычно сосредоточивали свое внимание на компоненте с фразеологически связанным значением у ФС, т. е. на стержневом члене, хотя роль другого компонента — переменного члена — также очень важна. Наряду с несамостоятельностью, нечеткостью семантики стержневого члена, переменные члены ФС обычно имеют четкое и ясное самостоятельное значение. Так, у ФС *голые факты, армейская острота, возлагать вину, вкрасься в доверие, жить припеваючи* значения переменных членов такие, с которыми они могут выступать в очень большом количестве сочетаний, сочетаясь с другими словами на основе сочетаемости понятий...

Подавляющее большинство переменных членов ФС имеет прямое значение. Большинство из них не имеет разветвленной системы значений в лексической системе языка, многие вообще однозначны. Лишь в отдельных случаях переменные члены ФС имеют переносное значение, например: *крошечный ад, кривить душой, бодрость духа, поднять базар.* В этих случаях ФС менее аналитичны, хотя значения переменных членов и в данных примерах следует признать фразеологически не связанными, поскольку они выступают с этими же значениями в составе свободных словосочетаний.

Раз в составе ФС всегда обнаруживается два компонента — стержневой член и переменный член, — можно считать их общим признаком принципиальную бинарность. Этот признак удачно отразился в самом термине «фразеологическое сочетание» (ср. *чета* — *двое*). Бинарность, однако, не означает, что ФС всегда состоит только из двух слов. Речь идет о принципиальной бинарности, поэтому установленное положение не нарушает существование ФЕ типа *залезть в долги, погрязнуть в разврате (в невежестве), купаться в роскоши* и т. п. Предлоги в этом случае могут рассматриваться как «последологи», так как за ними сохранились лишь функции «показателей и выразителей того или иного падежа косвенного объекта» [3, стр. 700].

К фразеологическим сочетаниям могут быть отнесены с особыми

оговорками, разумеется, и такие образования, в которых стержневой компонент представляет собой как бы самостоятельную ФЕ, которая, однако, требует обязательного слова-спутника со свободным значением. Это образования типа *поставить (на попу)*, *влюбиться (по уши)*, *сыт (по горло)* и т. п. Такие элементы иногда выделяются как самостоятельные ФЕ, что можно наблюдать, например, во «Фразеологическом словаре русского языка» [9], где их количество достигает пятисот. Сам факт отнесения этих образований к фразеологии без сопровождающих слов вызывает споры.

Следующим общим для ФС признаком является обязательное наличие подчинительной связи между компонентами. ФС, основанных на сочинительной связи, пока не обнаружено, хотя для ФЕ с общим целостным значением такие образования не редки (например: *денно и ночью, плоть и кровь, семо и овамо, ни два ни полтора, ни рыба ни мясо* и т. д.).

Фразеологические сочетания обладают устойчивостью и воспроизводимостью, как и другие типы ФЕ русского языка. Под устойчивостью в данном случае понимается ряд ограничений на различных уровнях, налагаемых системой языка на реализацию стержневого члена сочетания [28]. В первую очередь это ограничения в лексико-семантической сочетаемости. Устойчивость ФС проявляется в том, что стержневой член выступает в составе фразеологических сочетаний либо с определенным словом, либо с одним из ряда определенных слов, образуя в целом характерную для языка комбинацию языковых знаков.

Устойчивость ФС связана с их воспроизводимостью в речи. Воспроизводить всё образование в речи оказывается необходимым, так как ограничения, накладываемые языком, законами сочетаемости слов с фразеологически связанными значениями, не могут быть представлены в виде каких-то обобщенных правил. Иначе говоря, фразеологические сочетания не имеют порождающих моделей, хотя созданы они по существующим в языке грамматическим моделям.

На основании рассмотренных общих признаков ФС можно дать их определение: *под фразеологическими сочетаниями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи принципиально бинарные сочетания слов, состоящие из компонента с фразеологически связанным значением и компонента с фразеологически не связанным значением, основанные на подчинительной связи между компонентами.*

3. Фразеологические сочетания и словосочетания других типов

Уточнение границ категории фразеологических сочетаний требует сопоставления их с другими типами словосочетаний, прежде всего со свободными словосочетаниями, с одной стороны, и с ФЕ иных типов — с другой.

Сопоставление ФС со свободными словосочетаниями, представляющими собой объединение в речи слов с фразеологически не связанными значениями, показывает, что эти две категории словосочетаний имеют ряд общих признаков: они состоят не менее чем из двух знаменательных компонентов, имеют в составе грамматически господствующее и грамматически зависимое слово, основаны на одном из видов подчинительной связи. Эти три вида связи хорошо прослеживаются у ФС: согласование — *халатное отношение, благие намерения, красная суббота*; управление — *набирать скорость, обдать презрением, голос гнева, зерно истины*; примыкание — *слезно просить, видеть насквозь*.

Аналитичность общего значения обычно также выставляется в качестве признака, сближающего рассматриваемые типы словосочетаний. Однако, на наш взгляд, этот вопрос требует особого рассмотрения, что и делается далее.

Одновременно ФС отличаются от свободных словосочетаний рядом признаков. Один из них — возможность широкой замены компонентов у свободных словосочетаний. Причем, как отметил Ш. Балли, от такой замены «синтагма грамматически несколько не меняется» [29, стр. 117]. Эту особенность свободного словосочетания, или «свободной синтагмы» по Балли, он выставлял как признак, разграничивающий свободные синтагмы и несвободные образования, «фракционированные знаки», агглютинации, которые не обладают указанным свойством, не допускают свободной замены компонентов [29, стр. 161].

Действительно, свободное словосочетание и в русском языке допускает широкую замену компонентов, причем значение оставшегося компонента сохраняется, а грамматическая структура всего словосочетания не меняется. Например: *сорвать ветку* — *сорвать цветок* (лист, объявление и т. д.), *сорвать* (отодвинуть, отвести, переломить и т. д.) *ветку*.

Замена компонентов у ФС оказывается как будто возможной, например: *сорвать зло* (злобу, обиду, сердце), *сорвать зло* — *выместить зло*. Однако такую замену никак нельзя признать широкой, ибо она строго регламентирована; если же заменять стержневой член при условии сохранения значения переменного, то оказывается измененной грамматическая структура ФС (о чем пойдет речь далее), например: *сорвать зло* — почувствовать, предупредить, предусмотреть зло.

Особенно заметно отличают ФС от свободных словосочетаний такие признаки, как наличие слова с фразеологически связанным значением и отсутствие порождающих моделей. Что касается признака воспроизводимости, то ФС характеризуются этим признаком, однако он оказывается присущ и некоторым типам свободных словосочетаний, как это отмечалось уже в литературе [30, стр. 113]. Следует только заметить, что ФС воспроизводятся в речи на пра-

вах единиц языка, что существенно отличает эти образования от свободных словосочетаний.

Сопоставление ФС с другими типами ФЕ, с семантически целостными ФЕ — фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями — обнаруживает также черты сходства и различия. И те, и другие воспроизводятся на правах единиц языка, не имеют порождающих моделей, включают в свой состав слова с несвободными, фразеологически связанными значениями, с имплицитным характером таких значений у семантически неразложимых ФЕ.

Вместе с тем ФС заметно отличаются от ФЕ других типов наличием в составе слова со свободным значением, фразеологически не связанным. Вообще для разграничения ФС и словосочетаний других типов оказывается достаточным наличие двух признаков: наличие в составе образования слова с фразеологически связанным значением и слова с фразеологически не связанным, свободным значением. Свободные словосочетания обладают вторым признаком, а ФЕ других типов — первым, но не имеют второго. Оба эти признака есть у ФС.

В литературе вопроса различие сопоставляемых образований почти всегда связывается с характером общего значения, с семантической структурой словосочетаний. Указывается, что, в отличие от фразеологических единств и фразеологических сращений, ФС имеют аналитичное значение. Об этом писал еще В. В. Виноградов. При этом как бы ставится знак равенства между семантической структурой свободного словосочетания и ФС. На этом основании, в частности, ФС выводятся за пределы фразеологии.

Общее значение свободного словосочетания нередко представляется как «сумма значений составляющих компонентов» [31, стр. 8]. Продолжая использовать математические средства выражения, попытаемся показать отличие семантической структуры ФС от семантической структуры сопоставляемых образований.

В бинарных образованиях мы имеем три единицы семантического плана: общее значение образования, значение первого компонента и значение второго компонента. Таким образом, семантический план во ФЕ представляет собой определенную структуру. «Есть основания, — пишет В. Л. Архангельский, — говорить о значении ФЕ как особом фразеологическом значении. По отношению к значению слова фразеологическое значение носит иерархический характер семемы высшего порядка к семеме низшего порядка. Кроме того, фразеологическое значение есть значение комбинационное (разрядка наша. — Ю. Г.) в том смысле, что оно по-разному детерминируется значениями компонентов ФЕ, взятых на семантическом уровне [14, стр. 125]. Изучение семантической структуры ФЕ и должно установить типы таких структур.

Предположим, что общее значение свободного словосочетания *натянутая веревка* есть определенная величина C , а значения каж-

дого из компонентов соответственно есть определенные величины А и В. В составе свободного словосочетания каждый из компонентов имеет свое самостоятельное значение, поэтому можно говорить о значениях этих компонентов как об определенных величинах. Поскольку в составе этого выражения оба компонента несут примерно равную долю информации, их доля в создании общего значения равна. Вследствие сказанного, структуру этого словосочетания можно представить в виде формул:

$$A + B = C, \text{ или: } A = C - B, B = C - A.$$

Семантические отношения между элементами ФС несколько иные. Рассмотрим для примера ФС *натянутые отношения*. Общее значение этого выражения также можно обозначить буквой С, причем это также определенная величина, ибо общее значение ФС нам задано языком, оно всегда хорошо известно носителям языка. Не менее хорошо известно значение переменного члена ФС, в данном случае это слово «отношения»; значение этого элемента передаем буквой В, символизирующей также определенную величину. Неопределенным в составе ФС оказывается лишь значение стержневого члена, поскольку его значение четко не определимо, оригинально, не повторяется в составе многих словосочетаний. Таким образом, значение слова «натянутые» определим через Х. Общая формула этого словосочетания будет: $X + B = C$.

Как указывалось, значение стержневого члена может быть определено, хотя и приблизительно, с помощью субституции, т. е. замены этого компонента в составе словосочетания синонимичным словом или словосочетанием. При этом в качестве обязательного условия выставляется требование сохранения общего значения словосочетания. Так, субституция в данном примере выглядит следующим образом: *натянутые отношения = недружелюбные, лишенные близости отношения*.

Заметим, что без учета общего значения субституция невозможна, поэтому значение стержневого члена в составе ФС определяется путем исключения из общего значения переменного члена, т. е. $X = C - B$.

Установленное таким путем значение стержневого члена нельзя признать достаточно точным, ибо нельзя, например, сказать *натянутые взгляды, натянутый выпад* (ср.: *недружелюбные взгляды, недружелюбный выпад*).

Так же устанавливается значение стержневого члена, расположенного на втором месте, например, *реветь белугой*: $A + X = C$, следовательно, «реветь громко» — «реветь, плакать» = «громко», т. е. $X = C - A$.

В случае, если общее значение выражения нам неясно, мы не можем установить и значение стержневого члена. Интересный при

мер такого положения приводится в романе В. Киселева «Веселый роман», где речь идет о выражении *кошачий подарок*. Женщина принесла в подарок врачу шубу, однако муж отказался принять такой подарок.

— *Вы как хотите,* — сказала она, — *а я кошачьих подарков не делаю.*

И ушла.

— *Что значит «кошачьи подарки»?* — спросил Виля. У него остался только один неясный вопрос.

— *Когда что-нибудь дают, а потом забирают. Я так думаю,* — напряженно и медленно сказал батя.

В этом случае осознать как-то общий смысл фразеологического сочетания помогла ситуация, вне ситуации осознать общее значение ФС, не зная его, оказывается невозможным.

Продолжая использовать символику, можно представить семантическую формулу ФЕ с общим неразложимым значением, т. е. фразеологических единств и фразеологических сращений, состоящих из двух элементов, в следующем виде: $X + Y = C$, где C есть величина определенная, а X и Y — неизвестные величины. В языке, как и в математике, нельзя установить, что означает каждый из этих компонентов в составе образования. Однако это в том лишь случае, когда мы имеем дело с одной ФЕ, взятой изолированно от системы фразеологии и лексики. Если проводить анализ, опираясь на систему фразеологии, то перед нами будет уже не одна формула, а ряд формул, из которых составляется уравнение, а при наличии уравнения можно однозначно определить значение X и Y .

Итак, сопоставляемые образования различаются своей семантической структурой. Более детальное изучение внутренних отношений между компонентами ФС обнаруживает, как это будет показано далее, различные типы ФС.

□

1. Виды фразеологически связанных значений слов

Компоненты ФС, выступающие с фразеологически связанными значениями, могут заметно различаться дополнительными признаками, характеризующими их значения, поэтому можно сделать попытку выявить типы фразеологически связанных значений стержневых членов ФС. Существенные различия в характере значений стержневых членов представляются в виде противопоставлений на основе наличия (отсутствия) одного признака. Обязательным условием каждого противопоставления признается следующее: как наличие, так и отсутствие признака должны наблюдаться у ряда стержневых компонентов ФС. Сумма признаков, обнаруженных у каждого вида фразеологически связанных значений, дает основание для различения этих видов.

Для анализа выделяются три противопоставления:

- а) первичность значения — непервичность значения;
- б) семантическая полноценность значения — семантическая неполноценность значения;
- в) конкретность значения — неконкретность, отвлеченность значения.

Оппозицию «первичное значение/непервичное значение», использует Е. Курилович для разграничения прямых и переносных значений слов [32]. В данном случае с ее помощью различаются слова, выступающие со своим единственным значением или с одним из двух несвободных значений, и слова, имеющие, кроме фразеологически связанного значения, еще и свободные, фразеологически не связанные значения. Однако, по сути дела, здесь также разграничиваются стержневые члены, имеющие переносное фразеологически связанное значение, осознаваемое так в современном языке, и значения, не воспринимаемые так в настоящее время, поскольку эти слова не имеют свободных значений.

Фразеологически связанные значения переносного характера обнаруживаются, например, у стержневых компонентов ФС *кури-*

чая память, мертвый сезон, зерно истины, резать правду, облить презрением, смотреть косо. Непереносные, первичные значения — у стержневых членов ФС угрызения совести, знамение времени, снизить известность, сморозить вздор, таращить глаза и т. д.

У ряда стержневых членов ФС, имеющих по выделенному признаку непереносное значение, можно усмотреть переносное значение составляющих морфем, чаще всего корневых. Так, слово «угрызения» имеет в современном русском языке только одно, фразеологически связанное значение, хотя оно соотносится со словом «грызть», а исторически слова «угрызение» и «грызение» выступают как варианты этого ФС. Сравните: ...*А ежели сие, мой друг, не совершится, Димитрий множества спокойствия лишится. Грызеньем совести я много мук терплю...* А. Сумароков. Димитрий Самозванец. — *Грызет меня совесть, — убиваясь, прошептала она [Аночка] и тихонько подалась к нему ближе.* К. Федин. Костер. *Он пишет, что послал в одну редакцию похабный рассказ, и, чтобы облегчить душу, угрызаемую совестью, просит меня прочесть этот рассказ в копии.* А. Чехов. Письмо к А. С. Суворину от 26 апр. 1893 г. ... *в его сердце шевелилось что-то странное, похожее на скуку и на угрызение совести.* А. Куприн. Поединок. — *Ну и ругается та божья старушка! — промелькнуло в голове у Мамочкина, и он испытал даже нечто похожее на угрызения совести.* Э. Казакевич. Звезда.

Противопоставление «семантическая полноценность/семантическая неполноценность» предполагает разграничение слов с фразеологически связанными значениями по степени утраты семантической значимости. Исследователи русской фразеологии уже указывали на случаи утраты реального содержания глагольными компонентами устойчивых сочетаний. С. И. Ожегов, например, заметил, что «многочисленные глаголы широкого семантического объема в процессе расширения возможности сочетаемости утрачивают реальное вещественное содержание и начинают выполнять функции вспомогательного глагола. Но в этих случаях каждый из таких глаголов сочетается только с определенными разрядами существительных, завися в отношении сочетаемости от былого вещественного значения. Многие из них становятся синонимичными друг другу, различаясь лишь иногда по степени выветривания вещественного значения» [10, стр. 44].

В составе ФС «семантически опустошенных» членов нет. Полная утрата вещественного значения обычно приводит к расширению сочетаемости, что выводит такое слово за пределы понятия «фразеологически связанное значение слова». Однако разная степень семантической полноценности обнаруживается. Стержневой член признается «семантически неполноценным», если ФС допускает возможность замены его словом, однокоренным со свободным, переменным, членом этого сочетания. Например: *навести*

справки — справиться, *одержать победу* — победить, *чинить препятствия* — препятствовать.

Значительную сложность представляет противопоставление «конкретность значения/неконкретность значения». Характер фразеологически связанного значения слова в этом отношении трудно определим, если не учитывать характер значения переменного члена. Применительно к ФС можно исходить из положения, что неконкретные фразеологически связанные значения выступают в составе ФС только с неконкретными значениями переменных членов. Применительно к свободным словосочетаниям наблюдается нарушение этого положения, однако сравнительно редко (например, *любить отца, написать правду*). В наиболее распространенных грамматических типах ФС в качестве переменного члена обычно выступает имя существительное, поэтому здесь можно частично опереться на отсутствие коррелятивных форм числа, свойственное отвлеченным существительным; правда, это не наблюдается у таких существительных, как «победа», «мысль» и т. п., которые признаются отвлеченными. Известно также, что А. М. Пешковский рассматривал как «конкретные» такие слова, которые соотносятся с реалиями, доступными непосредственному восприятию [26, стр. 69].

Наблюдения различных исследователей показывают, что для ФЕ характерно общее отвлеченное значение. Однако в составе отдельных типов ФЕ, например фразеологических единств, выступают такие слова, которые в свободном употреблении имеют конкретные значения, что отметил В. В. Виноградов [3, стр. 24].

В составе ФС стержневые члены, имеющие непервичное значение, обычно имеют отвлеченное значение, тогда как члены с первичным значением могут иметь и конкретное значение: *таращить глаза, толкучий рынок, проливной дождь, убористый почерк*.

Вместе с тем отвлеченность значения в целом весьма характерна для общего значения ФС. Поэтому даже ФС, состоящие из слов с конкретным значением, имеют обычно дополнительные переносные значения отвлеченного характера (например: *потупить голову* — опустить голову и опечалиться, *нахмурить брови* — опустить, насупить брови и «рассердиться, выразить неудовольствие»; *Я потупил голову; отчаяние мною овладело*. А. Пушкин. Капитанская дочка. *Он засмеется: все хохочут; нахмурит брови: все молчат*. А. Пушкин. Евгений Онегин.

Классификация фразеологически связанных значений слов на основе рассмотренных противопоставлений может быть представлена в таблице, где учитываются наиболее характерные для фразеологических сочетаний признаки из числа противопоставленных.

В приведенной таблице 2 выявляются пять видов слов с фразеологически связанными значениями. Эти виды оказываются

тесно связанными с намечаемыми далее основными лексико-семантическими типами ФС русского языка.

Таблица 2

Виды слов с фразеологически связанными значениями

Вид	Примеры	Признаки		
		первичность значения	семантическая полноценность	отвлеченность значения
I	<i>Скалить</i> (зубы), ср. скалиться	+	+	—
	• <i>Толкучий</i> (рынок), ср. толкучка	+	+	—
	<i>Проливной</i> (дождь), ср. ливень	+	+	—
II	<i>Одержать</i> (победу), ср. победить	+	—	+
III	<i>Сморозить</i> (вздор)	+	+	+
	<i>Кромешная</i> (тьма)	+	+	+
	<i>Угрызения</i> (совести)	+	+	+
IV	<i>Тянуть</i> (время)	—	+	+
	<i>Задняя</i> (мысль)	—	+	+
	<i>Корень</i> (зла)	—	+	+
V	<i>Навести</i> (справки), ср. справиться	—	—	+
	<i>Подъем</i> (духа), ср. воодушевление	—	—	+

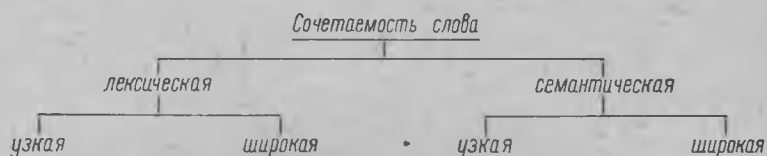
Помимо рассмотренных особенностей слов с фразеологически связанными значениями, необходимо также проследить сочетаемость слов с такими значениями. Учет валентности слова позволяет выявить его лексико-семантические свойства, установить степень устойчивости образований с таким словом. В плане чисто лингвистическом значение слова обычно определяется его способностью вступать в связи с другими словами, которые и составляют «лексическую валентность слова» [33, стр. 123]. Д. Н. Шмелев замечает по этому поводу: «Сочетаемость — важнейший собственно языковой показатель значения слова, но именно показатель, а не само значение» [7, стр. 72—73]. Однако «показатель значения» — это именно то, что дает возможность более точно определить характер значения слова.

Если разграничить уровни анализа, то можно условно говорить о «лексической сочетаемости» и «семантической сочетаемости».

Под лексической сочетаемостью понимается сочетаемость звуковых комплексов, являющихся материальным выражением слов, т. е. лексем, под семантической сочетаемостью — сочетаемость значений, т. е. семем [34]. Различается «узкая» и «широкая» сочетаемость на каждом из уровней анализа.

Семантическую сочетаемость не следует смешивать с шириной значения слова. Если под «узким» значением или «широким» значением понимается способность слова с данным значением выступать в речи с другими словами, относящимися к одной и той же или к разным семантическим сферам, то при определении «узости» или «широты» сочетаемости в основу кладется количественный показатель.

В условиях минимального контекста (т. е. словосочетания) намечаются следующие типы сочетаемости слов русского языка:

Например, узкая лексическая сочетаемость: *скалить (зубы), неизгладимое (впечатление), (плакать) навзрыд*; широкая лексическая сочетаемость: *облить (презрением, водой, грязью, одеколоном и т. д.), корень (зла, дерева, растения и т. д.)*; узкая семантическая сочетаемость: *облить (презрением), резать (правду), корень (зла), мартышкин (труд)*; широкая семантическая сочетаемость: *облить (водой, одеколоном и т. д.), резать (хлеб, сыр, колбасу, бумагу и т. д.), корень (дерева, цветка, растения и т. д.), мартышкин (хвост, игрушка, еда и т. д.)*.

Стержневые члены ФС могут обладать узкой лексической и семантической сочетаемостью (*скалить зубы, угрызения совести*), или узкой семантической, но широкой лексической сочетаемостью (*прозрачный намек, но прозрачный стакан, прозрачная кожа и т. д.*).

В таком случае само понятие синтагматической устойчивости может быть определено как наличие узкой лексической и семантической сочетаемости. Разумеется, степень устойчивости будет больше при узкой лексической и семантической сочетаемости, чем при узкой лексической и широкой семантической или узкой семантической и широкой лексической сочетаемости.

Для слов со свободными, фразеологически не связанными значениями характерна широкая семантическая и широкая лексическая сочетаемость.

2. Типы внутренних отношений между компонентами ФС

Изучение сочетаемости слов в составе ФС приводит к необходимости рассмотреть внутренние отношения между компонентами ФС.

Как установлено, между компонентами бинарных образований обнаруживается три типа внутренних отношений [35]. Назовем эти типы отношений, вслед за В. Л. Архангельским, взаимной детерминацией, т. е. взаимной зависимостью, когда А предполагает В, а В предполагает А; детерминацией, т. е. односторонней зависимостью, когда А предполагает В или В предполагает А, и индетерминацией, когда ни А не предполагает В, ни В не предполагает А [14, стр. 111—113].

Разграничивая уровни анализа, рассмотрим внутренние отношения между компонентами ФС как лексемами и как семемами.

Анализ на лексическом уровне показывает, что часть ФС обнаруживает детерминацию между составляющими их лексемами. Так, в составе ФС *высокосный год* лексема «высокосный» предполагает обязательное совместное присутствие лексемы «год», но не наоборот. Наряду с такой *единичной* детерминацией, ФС могут иметь и отношения односторонней зависимости, при которых одна из лексем предполагает обязательное присутствие не одной определенной лексемы, а одной из нескольких лексем, например: *скоропостижная смерть (кончина)*, *нахмурить лоб (лицо, брови)*, *гробовая тишина (-ое молчание)* и т. д. Такая детерминация называется *избирательной*.

Большая часть ФС не обнаруживает детерминативных отношений на уровне лексем. Следовательно, у ФС русского языка можно выделить два типа, которые различаются по признаку детерминативной зависимости между составляющими их лексемами. В свою очередь ФС, обнаруживающие детерминацию между лексемами, делятся на ФС с *единичной* детерминацией (*заклятый враг, окладистая борода, знамение времени, щурить глаза, воздеть руки, мертвецки пьян* и др.) и с *избирательной* детерминацией: *сардоническая улыбка (смех), гомерический смех (хохот), истошный крик (воплъ, голос), щекотливый вопрос (положение), вменить в обязанность (в заслугу), слезно просить (молить)*.

На семантическом уровне между компонентами ФС обнаруживается односторонняя внутренняя зависимость, детерминация.

Рассмотрим ФС *ласкать слух*. Значение второго члена этого ФС есть фразеологически не связанное, оно может быть довольно точно описано, например: «одно из пяти внешних чувств, дающее возможность воспринимать звуки, способность слышать» [36, т. 4, стр. 282]. Значение стержневого члена, слова «ласкать», не может быть реализовано без значения компонентов «слух» или «ухо», «взор», «взгляд», «глаз», поскольку оно фразеологически связан-

ное. Таким образом, фразеологически связанное значение всегда предполагает наличие значения слова-спутника.

Однако когда речь идет о значении детерминируемого члена ФС, то имеется в виду не только само значение, но и звуковая оболочка, с которой это значение связано. Поэтому в целом внутренние отношения между компонентами ФС можно определить как отношения детерминации на лексико-семантическом уровне.

Следовательно, внутренние отношения между компонентами ФС оказываются детерминативными, причем с односторонней детерминацией, чем ФС существенно отличаются от свободных словосочетаний, где отношения на лексико-семантическом уровне представляют собой индетерминацию, а также от семантически неразложимых ФЕ, характеризующихся взаимной детерминацией между компонентами на лексико-семантическом уровне [14, стр. 111—113].

Общее значение ФС задано языком. Однако их семантическая структура, характер отношений между тремя значимыми элементами — общим значением и значениями составляющих элементов — могут быть различными, что и позволяет обнаружить некоторые типы ФС по их семантической структуре, по характеру внутренних отношений между семантическими элементами.

Для этого используется метод семантической идентификации, сущность которого Ш. Балли определил так: «Найти абстрактное слово, выражающее данную мысль в ее простейшей форме, — в этом и состоит конечная цель собственно идентификации» [37, стр. 141]. Таким образом, идентификация предполагает соотнесение по значению ФС и слова, способного выразить общее значение этого ФС, соотнесенного с ним по значению.

ФС могут допускать или не допускать идентификацию словом. В тех случаях, когда идентификация возможна, прежде всего подбирается такое слово-идентификатор, которое обнаруживало бы общность корня с одним из компонентов ФС. В одних случаях таким словом оказывается однокорневое со стержневым членом (*тарашить глаза* — тарашиться, *халатное отношение* — халатность), в других — с переменным членом (*чинить препятствия* — препятствовать, *наводить справки* — справляться). Наличие в лексике слова-идентификатора, однокоренного с одним из компонентов ФС, определяет особую семантическую значимость данного компонента для общего значения ФС. В этом случае признается, что данный компонент детерминирует общее значение ФС. В случае, если идентификация допускается только словом, не имеющим общего корня ни с одним из компонентов, например: *крошечный ад* — суматоха, или вообще не допускается, оба компонента признаются равноправными в семантическом плане.

Нужно сразу заметить, что используемый метод не представляется идеальным. Во многих случаях ФС, имеющие общий фразео-

логически связанный член, обнаруживающие как будто тождество семантической структуры, различаются тем, что одно из них может быть идентифицировано, а другое нет; так, ФС *одержать победу* допускает идентификацию однокоренным с переменным членом — словом *победить*, а ФС *одержать верх* такой идентификации не допускает. Заметим также, что этот метод молчаливо утверждает тождество лексических значений отдельных слов и общих значений ФС, хотя фразеологическое значение представляет собой особую лингвистическую категорию. Тем не менее в целом метод идентификации оказывается полезным как *один из методов*, поскольку он позволяет проникнуть в какой-то степени в семантическую систему языка, способствует изучению семантической структуры ФЕ.

По возможности замены всего ФС словом-идентификатором, связанным с одним из компонентов общностью корня, все ФС делятся на «одновершинные» и «двувершинные» [38, стр. 212]. «Одновершинными» признаются такие ФС, общее значение которых определяется, детерминируется одним из членов, «двувершинными» — значения которых определяются двумя составляющими членами.

Различение «одновершинных» и «двувершинных» ФС не исчерпывает все особенности общих значений этих образований. Среди «двувершинных» ФС обнаруживаются сочетания с более тесным сцеплением компонентов и более аналитичные образования. На это указывал В. В. Виноградов: «Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых «несвободных» значений слов, выделяются два типа фраз: аналитический, расчлененный, допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более синтетический, близкий к фразеологическому единству» [3, стр. 27]. Однако это теоретическое положение В. В. Виноградов не иллюстрировал примерами, так что эти типы, по сути дела, еще не изучены.

К числу «более синтетических» ФС следует отнести ФС типа *кривить душой, крошечный ад, падать духом* и т. п. Общее значение, например, последнего ФС можно определить как «отчаиваться, терять уверенность»: *Пожив в Москве, особенно в близости с семьей, он [Степан Аркадьич] чувствовал, что падает духом.* Л. Толстой. Анна Каренина. *А я все спрашивал, где Вы, как поживаете, и был очень рад, когда узнал, что Вы женились и что не утомились и не пали духом, несмотря на все пертурбации...* А. Чехов. Письмо И. И. Горбунову-Посадову от 24 сент. 1898 г.

Слово «пасть» здесь имеет фразеологически связанное значение, а слово «духом» вполне определенное, фразеологически не связанное значение — «бодрость, моральная сила». Интересно, что в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова слово «дух» с указанным значением помещено как слово со сво-

бодным значением в словарной статье слова «дух», тогда как сочетание *пасть (падать) духом* дано за ромбом, т. е. как ФЕ. Чтобы доказать принадлежность этого образования к ФС, нужно доказать лишь «свободу» употребления слова «дух» с этим же значением. С таким значением слово «дух» выступает в составе многочисленных словосочетаний, например: *дух отряда, дух войска* и т. п., а также в составе устойчивых сочетаний — *расположение духа, бодрость духа, нищие духом* и др.

В рассмотренном ФС общее значение следует признать «двувершинным», поскольку его можно идентифицировать лишь словом «отчаяться», т. е. словом, не родственным по корню ни одному из членов этого ФС.

Значение ФС, допускающего идентификацию одним словом, назовем глобальным. Фразеологическим сочетаниям с общим глобальным значением противопоставляются ФС с неглобальным значением, т. е. не допускающие идентификации, например: *ходячее мнение, шальная пуля, ровный счет, платоническая любовь, олимпийское спокойствие, глухая вражда, каменное сердце, гнетущая тоска, несусветная чушь, желтая пресса, задним числом, растяжимое понятие* и т. д.

Учитывая сказанное, можно наметить основные типы внутренних соотношений между общими значениями и значениями компонентов у ФС русского языка. Для обозначения трех семантических элементов ФС используем принятые ранее условные обозначения: С — общее значение, А и В — значения составляющих ФС компонентов.

Структура основных типов значений ФС может быть представлена в виде формул:

1) значение глобальное, двувершинное, основанное на отношениях внутренней зависимости между значениями членов —

например: *кривить душой* (ср. хитрить), *слабый пол* (ср. женщины), *пасть духом* (ср. отчаяться);

2) значение глобальное, одновершинное, основанное на отношениях односторонней зависимости между значениями компонентов —

например: *сквитать долг* (ср. сквитаться), *толкучий рынок* (ср. толкучка), *халатное отношение* (ср. халатность), *одержать победу*

(ср. победить), чинить препятствия (ср. препятствовать), навести справки (ср. справиться);

3) значение неглобальное, двувершинное, основанное на отношениях односторонней зависимости между значениями компонентов —

Такие значения имеют ФС *медвежья услуга, дачный муж, упавший голос, круглый сирота, голос времени, ирония судьбы, львиная доля, армейская острота, растительная жизнь, юмор висельника, секрет полишинеля, крик моды, крутой кипяток, ноль внимания*.

Фразеологические сочетания, имеющие семантическую структуру первого типа, расположены ближе к фразеологическим единствам или даже к фразеологическим сращениям. Они, в частности, отличаются тем, что значение переменного члена в них чаще бывает переносным, что, как отмечалось, вообще нехарактерно для ФС.

Так, в ряду ФС *выкинуть номер, выкинуть фокус, выкинуть колено* компоненты «номер», «фокус», «колено» имеют переносное значение, что в известной степени способствует большей синтетичности всего образования, однако с этими же значениями данные слова могут употребляться и в свободных словосочетаниях: *Вот это был бы номер, — сказал Петр Васильевич, — погибнуть от руки своего старого друга Жорки Колесничука*. В. Катаев. *За власть Советов*. [Дети] *смотрели на него с любопытством, как на чужого, и тоже, как взрослые, ожидали от него каких-то фокусов*. М. Горький. *Жизнь Клима Самгина*. *В голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное*. А. Островский. Не в свои сани не садись.

В целом рассмотренные ФС могут быть идентифицированы словом «удивить».

3. Основные лексико-семантические типы фразеологических сочетаний русского языка

Попытки выделить различные лексико-семантические типы ФС русского языка уже имеются. Рассмотрим некоторые из них.

С. И. Ожегов, выделяя в особый разряд ФЕ русского языка фразеологические сочетания, в основе которых лежит «семантическое качество слова, принудительно определяющее сочетаемость с

другими словами» [10, стр. 42], различает среди них три типа образований:

1) ФЕ, основанные на базе слова с номинативным значением (понимаемым так в современном русском языке) и обладающего ограниченной способностью к сочетаемости на основе предметно-логических отношений (типа *щурить глаза, кивать головой, семенить ногами*);

2) ФЕ, основанные на фразеологически связанном и конструктивно обусловленном значении слова (типа *облить презрением, облечь доверием, щекотливый вопрос*);

3) устойчивые сочетания, образованные на базе слова, утратившего вещественное значение, что ведет к изменчивости форм сочетаемости (типа *вести бой, борьбу, разговор, игру*).

Первые две группы С. И. Ожегов относит к фразеологическим сочетаниям, отношение автора к третьей группе остается неясным.

Как видно, в основу классификации автор положил семантический принцип, учитывая, однако, и характер сочетаемости.

В работах В. П. Жукова выделяются устойчивые сочетания, которые могут быть отнесены к рассматриваемой категории. Им намечены следующие группы таких устойчивых сочетаний [39, стр. 90—91]:

1) сочетания, в которых один из компонентов или вовсе не понятен, или его значение не соотносится с системой значений производящего слова (типа *кромешный ад, золотая молодежь, навести слух*);

2) сочетания, примыкающие к первой группе, «в составе которых один из элементов носит метафорический характер, а другой представляет точное обозначение» (типа *расквасить нос, замять разговор, осыпать поцелуями, осыпать снарядами, ядрами, пулями*);

3) сочетания, занимающие особое положение: в них один из компонентов совпадает по смыслу с переносным значением соответствующего слова свободного употребления (типа *зеленая молодежь, кабинетный ученый, каменное лицо*);

4) устойчивые сочетания, один из компонентов которых имеет лексически ослабленное значение, но связанное, а остальные слова имеют свободное значение (типа *отбивать атаку, отбивать жену, оказывать честь*).

Последний тип автор не относит к фразеологии. В основу этой классификации положено семантическое качество стержневого члена, критерий «выпадения/невыпадения» слова из системы значений этого слова.

На семантическом принципе основана классификация устойчивых сочетаний, «включающих в свой состав слово со свободным значением и употреблением», у Д. Н. Шмелева [7, стр. 220—225], который также учитывает в первую очередь семантическое каче-

ство стержневого члена, частично сочетаемость и общее значение образования. Им выделяются три группы:

1) «словосочетания, один из членов которых характеризуется синтагматической ограниченностью, не обусловленной его собственным значением в узком смысле» (типа *облечь доверием, крошечный ад, пороть чушь*);

2) «словосочетания, один из компонентов которых как бы полностью включает в себя значение второго» (типа *щурить глаза, угрызения совести, загадочный друг*);

3) «словосочетания, в известном смысле противоположные предыдущим, представляющие собой главным образом сочетание глагола, утратившего свою полноту, и существительного» (типа *одержать победу, оказать помощь, строить предположения*).

Нетрудно заметить, что при известной общности подхода к классификации этих образований у разных авторов материал располагается по-разному. Причина, видимо, в том, что авторы мало внимания уделяют общему значению этих образований, недостаточно учитывают характер лексем, звуковых оболочек, составляющих компонентов. На наш взгляд, лексико-семантические типы ФС должны быть представлены такими, под которые подводились бы образцы различной грамматической структуры.

Намечаемая далее классификация ФС русского языка строится на основе лексико-семантических признаков ФС, на основе их внутренних отношений между составляющими компонентами, взятыми на лексическом и семантическом уровнях анализа. В основу положены три противопоставления:

а) глобальность/неглобальность значения ФС;

б) одновершинность/двувершинность ФС в рамках единиц с глобальным значением;

в) наличие детерминации/отсутствие детерминации между компонентами ФС, взятыми на лексическом уровне анализа.

С учетом этих признаков выделяются шесть основных лексико-семантических типов ФС русского языка.

Первый тип составляют ФС с глобальным двувершинным значением, обнаруживающие одностороннюю зависимость между составляющими образование лексемами. Это образования типа *бередить душу, крошечный ад*. Количество таких образований в русском языке невелико.

ФС этого типа имеют наиболее тесную семантическую спаянность компонентов, что выражается, в частности, в наличии слов-идентификаторов, словообразовательно не связанных ни с одним из компонентов. Значения компонентов этих образований равноценны для общего значения. При этом один из компонентов — стержневой член — имеет такую звуковую оболочку, которая не позволяет ему употребляться в составе свободных словосочетаний, поскольку с ней связано только несвободное значение.

ФС первого типа ближе подходят к семантически неразложимым ФЕ, а именно к фразеологическим сращениям, поскольку их сближает наличие лексической детерминации между лексемами (ср. фразеологические сращения: *бить баклуши*, *задать лататы*, *точить ляды*, где слова «баклуши», «лататы», «лясы» предполагают обязательное присутствие лексем-спутников).

Второй тип составляют ФС с глобальным двувёршинным значением, не обнаруживающие детерминативной зависимости между лексемами. Например: *кривить душой* (ср. хитрить), *холодное оружие* (ср. нож, штык), *мокрое дело* (ср. убийство), *расположение духа* (ср. настроение), *упасть духом* (ср. расстроиться). Стержневые члены, выступающие в составе таких ФС, входят в лексическую систему языка с фразеологически не связанными значениями (ср.: *кривить каблук*, *холодное стекло*, *мокрое дерево* и т. д.).

ФС второго типа также расположены близко к семантически неразложимым ФЕ, но они подходят ближе к фразеологическим единствам. Внешне это проявляется, в частности, в том, что они имеют сходные образования, которые можно принять за омонимичные. Так, *холодное оружие* может быть ФС, а может быть свободным словосочетанием, где слово «холодный» выступает со значением «имеющий низкую температуру». На самом деле, однако, эти словосочетания нельзя признать омонимичными, так как здесь в двух словосочетаниях выступает одно и то же слово — «оружие» — с одним и тем же значением. По этому поводу В. В. Виноградов замечает: «фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы» [3, стр. 27]. В этой связи нужно заметить, что использование метода наложения, разработанного В. П. Жуковым [40, стр. 9], позволяет различать ФС второго типа и фразеологические единства.

К третьему типу относятся ФС с глобальным одновёршинным значением, обнаруживающие одностороннюю зависимость между компонентами, взятыми как лексемы.

ФС этого типа имеют в системе лексики соотносительные по значению слова, однокоренные с одним из членов сочетания. В этом типе выделяются два подтипа: в одном семантически ведущим оказывается стержневой член: *проливной дождь/ливень*; *толкучий рынок/толкучка*; *потупить голову/потупиться*; *щурить глаза/щуриться*; в другом подтипе — переменный член: *одержать победу/победить*; *причинить вред/навредить*. Образования второго подтипа наблюдаются в основном у глагольных ФС.

Стержневые члены ФС этого типа не употребительны в составе свободных словосочетаний, поскольку они являются лексемами,

с которыми связано только фразеологически связанное значение. Четвертый тип ФС русского языка представляют единицы с глобальным одновершинным значением, не обнаруживающие лексической детерминации: *недвижимое имущество* (ср. недвижимость), *халатное отношение* (ср. халатность), *навести справки* (ср. справиться), *терпеть нужду* (ср. нуждаться).

ФС этого типа также распределяются по двум подтипам: в одном случае семантически ведущим оказывается стержневой член (*халатное отношение* — халатность), в другом — переменный член (*навести справки* — справиться).

К пятому типу относятся ФС с неглобальным общим значением, двuverшинные, обнаруживающие детерминацию между лексемами. ФС этого типа не имеют слов-идентификаторов, они более аналитичны, по сравнению с ранее рассмотренными типами. Стержневой член в составе этих образований не имеет фразеологически не связанного значения, поэтому вне ФС не употребляется. К этому типу относятся ФС *окладистая борода*, *прописная истина*, *неизгладимое впечатление*, *одуловатое лицо*, *животрепещущий вопрос*, *безысходная грусть* (тоска); *сморозить чушь* (вздор и др.), *выместить обиду*, *сгореть дотла*, *плакать навзрыд*, *мертвецки пьян* и т. д. Особо следует выделить группу ФС, в которых оба члена оказываются однокоренными, типа *ходить ходуном*, *ревмя реветь*, *сиднем сидеть* и т. п.

Шестой тип составляют ФС с неглобальным двuverшинным значением, не обнаруживающие лексической детерминации между составляющими членами: *шапочное знакомство*, *ювелирная работа* (техника), *тулая боль*, *ровный счет*, *битый час*, *голые факты*, *мертвый сезон*, *мертвый капитал*, *немая карта*, *кровная обида*, *квасной патриотизм*, *бродячий сюжет*, *бешеные деньги*, *олимпийское спокойствие*, *горе луковое*, *беззубая критика*, *эзопов язык*; *глухая тетеря*, *слепая курица*, *яблоко раздора*, *буква закона*, *злоба дня*, *роза ветров*, *сплетение обстоятельств*, *ума палата*; *юмор висельника*, *честь мундира*; *сорвать зло* (злобу), *резать слух* (ухо, глаз) и т. п.

Под каждый из выделенных типов подводятся, как было показано, ФС с различной грамматической структурой, что дает известную универсальность намеченным типам.

4. Грамматические типы фразеологических сочетаний русского языка

С грамматической точки зрения ФС русского языка составляют два наиболее общих разряда: ФС со структурой словосочетания и ФС со структурой предикативного сочетания слов. К последним относятся такие образования, как *зло* (*обида*, *зависть*) *берет*,

совесть зазрила, терпение лопнуло, сердце похолодело; дело в шляпе, дело — табак и т. п. Их сравнительно немного в русском языке.

Гораздо больше распространены ФС со структурой словосочетания. Грамматическая классификация их в общем повторяет известные разряды свободных словосочетаний. Как и свободные словосочетания, их целесообразно различать прежде всего по грамматически господствующему члену, а затем по грамматически зависимому.

По грамматически господствующему члену выделяются глагольные, субстантивные и адъективные ФС.

Глагольные ФС имеют в качестве зависимых членов имена существительные, наречия или местоимения. Рассмотрим более подробно эти разновидности.

Субстантивно-глагольные ФС могут быть как без предлогов, так и с предлогами:

1) типа «глагол + существительное в винительном падеже», т. е. Г + С_{вин}: *сорвать банк, чеканить шаг, внести ясность, гасить улыбку, задавать тон, брать реванш; гонять чай, скрестить взгляды, вздуть цены, навести критику, прожужжать уши, пришить дело;*

2) типа «глагол + существительное в родительном падеже», т. е. Г + С_{род}: *хлебнуть горя, задать страху, задать реву;*

3) типа «глагол + существительное в дательном падеже», Г + С_{дат}: *предать забвению, подвергнуть испытанию* и т. п.;

4) типа «глагол + существительное в творительном падеже», Г + С_{тв}: *бить рублем, пронзить взглядом, вспылать гневом* (страстью, любовью), *дышать молодостью* (свежестью, бодростью), *заливаться лаем* (песней), *воспрянуть духом, играть глазами, впитаться глазами, смотреть бирюком, жить анахоретом;*

5) типа «глагол + предлог + существительное в винительном падеже», Г + предлог + С_{вин}: *впасть в отчаяние, впасть в забытье, заключить в скобки, взять на заметку; впасть в детство; врезаться в память;*

6) типа «глагол + предлог + существительное в родительном падеже», Г + предлог + С_{род}: *выжить из ума, вывести из терпения, сгорать со стыда, отлечь от души, лопнуть со смеха;*

7) типа «глагол + предлог + существительное в дательном падеже», Г + предлог + С_{дат}: *притянуть к ответу, прибрать к рукам;*

8) типа «глагол + предлог + существительное в творительном падеже», Г + предлог + С_{тв}: *ложиться с курами; собраться с мыслями;*

9) типа «глагол + существительное в предложном падеже», Г + предлог + С_{предл}: *играть на нервах, теряться в догадках, перебирать в памяти, копаться в прошлом.*

Особо следует отметить субстантивно-глагольные ФС, которые представляют собой как бы образования второго яруса, поскольку они состоят из более простого устойчивого сочетания (обычно из предлога и существительного) и глагола, без которого они не употребляются (или ряда глаголов), например: *влюбиться по уши, делать под сурдинку, разойтись* (рассердиться) *не на шутку, жить на ножах, поговорить по душам, любить без памяти, хватать за глаза* и т. п. В этих образованиях стержневой член, состоящий из предлога и имени существительного, носит наречный характер.

Наречно-глагольные ФС: бегать взапуски, напиться вдрызг, сгорать (сжечь, спалить) *дотла, видеть насквозь* (кого-то), *разбить* (разбиться) *вдребезги.*

Местоименно-глагольные ФС: всем взять; таких обнаружено очень мало.

Субстантивные ФС в качестве грамматически господствующего члена имеют имя существительное, грамматически зависимым в них выступают либо существительное в косвенном падеже, либо прилагательное, очень редко встречается местоимение; этим определяются их разновидности:

Субстантивно-субстантивные: а) типа «С_{им} + С_{род}» — *болезнь роста, пальма первенства, червь сомнения, время славы, яблоко раздора, гвоздь программы* (сезона), *пища богов*; б) типа «С_{им} + предлог + С_{предл}»: *человек в футляре.*

Адъективно-субстантивные: сиротская зима, прозрачный намек, шемакин суд, дырявая память, золотые руки, злачное место, медленный огонь, трескучие фразы, холодная война, нулевой цикл, белые стихи, куриная память, горячие слезы, живая очередь; глухая тетеря, слепая курица; сюда же можно отнести образования с краткими прилагательными: *эзопов язык, пиррова победа, аннибалова клятва.*

Местоименно-субстантивные ФС: свой человек.

Адъективные ФС в современном русском языке весьма немногочисленны, они могут быть представлены предложными образованиями типа *жидкий на расплату, тугой на ухо, легкий на ногу* (на подъем).

У разных грамматических типов ФС по-разному распределяются грамматически господствующие и фразеологически связанные члены. Для фразеологических сочетаний, основанных на управлении, типично совмещение грамматически господствующего и фразеологически связанного члена в одном компоненте. Однако это наблюдается не всегда. Так, несовпадение грамматически господствующего и фразеологически связанного члена наблюдается у субстантивно-субстантивных ФС *юмор висельника, секрет полишинеля*, где первый компонент оказывается грамматически господствующим, а второй — фразеологически связанным, такая же картина наблюдается в субстантивно-глагольных ФС, в которых имен-

ная часть выступает с наречным значением, т. е. у ФС *реветь бедугой, жить анахоретом, смотреть бирюком*.

ФС, основанные на согласовании и примыкании, как правило, не имеют совмещения грамматически господствующего и фразеологически связанного компонентов: грамматически господствующий член обычно не бывает фразеологически связанным. Так, в составе ФС *дырявая память* грамматически господствующим членом оказывается слово «память», а фразеологически связанным — «дырявая». Однако и здесь наблюдаются отклонения от этого положения. У некоторых адъективно-субстантивных ФС совпадают грамматически господствующий и фразеологически связанный компонент, например у ФС *глухая тетеря, слепая курица*, поскольку слова «глухая», «слепая» выступают здесь со своими обычными значениями, а грамматически господствующие слова «тетеря» и «курица» одновременно оказываются и фразеологически связанными в данных значениях.

Как отмечалось в литературе, совмещение понятий грамматически господствующий и фразеологически связанный компонент в одном члене ФС приводит к большей синтаксической спаянности ФС. Так, В. П. Жуков полагает, что о синтаксической неразложимости ФС можно говорить лишь в том случае, когда один и тот же компонент совмещает оба эти понятия [39, стр. 88].

Вообще же проблема синтаксической членимости ФС требует особого изучения. В свое время вопрос о синтаксической неразложимости словосочетаний получил освещение в книге А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» [27]. Учение А. А. Шахматова о неразложимых словосочетаниях сыграло видную роль в изучении русской фразеологии. Акад. Шахматов различал с точки зрения разложимости три типа словосочетаний русского языка: а) словосочетания, грамматически не разложимые и не разложимые по значению (типа *очертя голову*); б) словосочетания, грамматически не разложимые, но разложимые по значению (типа *два мальчика*); в) словосочетания, грамматически разложимые, но не разложимые по значению (типа *железная дорога*). С точки зрения теории А. А. Шахматова ФС русского языка следует отнести к грамматически разложимым.

Иначе относится к членимости ФС с точки зрения грамматической В. В. Виноградов: «В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, прагматическое расчленение ведет к познанию лишь

этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке» [3, стр. 28].

А. Н. Гвоздев рассматривает сочетания типа *принять участие, вынести благодарность, испытывать огорчения* как цельные сказуемые, так как «оторванный от объекта глагол не имеет самостоятельного значения» [41, стр. 61]. Аналогичное отношение к приведенному типу ФС высказывает В. П. Сухотин [42, стр. 150—154].

Иную точку зрения встречаем у В. Л. Архангельского, полагающего, что части ФС в предложении, как правило, являются разными его членами [14, стр. 27].

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать проблему синтаксической членности ФС дифференцированно, применительно к различным типам. Видимо, синтаксическая членность таких типов ФС, у которых совмещаются в одном члене понятия грамматически господствующего и фразеологически связанного, будет проявляться в меньшей степени, нежели у тех ФС, в которых эти понятия распределяются по разным членам.

Большую синтаксическую членность обнаруживает ФС со структурой предикативного сочетания слов типа *зло берет, дело в шляпе*. В этих сочетаниях предикативный характер сохраняется, а предложения с такими образованиями следует признавать двусоставными.

1. Вопрос о системности русской фразеологии
и понятие фразеологической серии

В плане синхронного изучения русской фразеологии одной из наиболее важных и не менее трудных задач оказывается задача изучения системности фразеологического состава языка.

Сложность проблемы системности лексики и фразеологии начинается с многозначности самого термина «система». В советском языкознании наиболее распространено такое понимание «системы», при котором исходят из диалектического положения о единстве двух сторон одного и того же явления языка. «Система» определяется как единство закономерно расположенных и действующих во взаимной связи единиц языка. При этом изучение системы языковых единиц предполагает как изучение материальных единиц языка, так и их отношений и связей между собой.

Трудность решения вопроса о системности фразеологии (равно как и о системности лексики) обусловлена, как минимум, двумя положениями: во-первых, фразеология представляет собой открытый класс, количество единиц в ней не поддается точному учету, во-вторых, отражая объективно существующую действительность, она не может изучаться без экстралингвистических явлений, в ее единицах «всегда будет проступать система понятий и более «приглушенно» — система предметов и явлений окружающего нас мира» [43, стр. 157].

Тем не менее постулирование системности лексики и фразеологии представляет несомненный научный интерес, о чем свидетельствуют первые исследования, посвященные изучению лексики в синхронном плане, как системы [7, 44, 45].

Изучение фразеологии в таком аспекте, по сути дела, еще не начато, хотя вопросы синонимии, антонимии и омонимии уже нашли своих исследователей. В настоящее время стоит задача установить

фразеологические оппозиции, которые, как полагают, есть выражение свойств фразеологической системы [14, стр. 261].

Систему фразеологии из-за ее недостаточности (мы не можем осуществлять языковую коммуникацию с помощью только ФЕ), видимо, нельзя изучать, полностью абстрагируясь от лексики. В этом и кроется, вероятно, причина того, что лексикология долгие годы вбирала в себя и фразеологию.

Особенно тесно связаны с лексической системой языка ФС, в составе которых выступают слова со свободными значениями, т. е. единицы лексической системы языка.

Системность фразеологии проявляется в том, что каждая единица определяется в языке ее отношением к другим единицам того же уровня. Соотнесенность и противопоставленность ФЕ обнаруживается в минимальных множествах фразеологии, в микросистемах. Такими минимальными множествами являются фразеологические серии. «Вопрос о месте и роли фразеологических серий в русской фразеологической системе, — пишет В. Л. Архангельский, — еще не освещался в науке, их типы в современном русском языке еще не определены» [46, стр. 6—7].

Термин «фразеологическая серия», введенный Ш. Балли, в советском языкознании был впервые использован В. В. Виноградовым со значением ряда фразеологических сочетаний, образованных на базе одного и того же стержневого члена. Однако в дальнейшем он получил самое различное толкование.

Так, по определению В. Л. Архангельского, «фразеологическая серия представляет собой, во-первых, определенную организацию однотипных единиц как членов серии, во-вторых, внутреннюю организацию лексических интегрантов в однотипных единицах, образующих серию» [46, стр. 7]. Из этого следует, что фразеологические серии могут составлять как ФС, так и ФЕ с общим неразложимым значением, что и проявляется в работе В. Л. Архангельского, где даны, например, такие «серии»: *ни рыба ни мясо, ни свет ни заря; хоть караул кричи, хоть глаз выколи, хоть пруд пруди, хоть святых выноси, хоть топор вешай; калачом не заманишь, клином не вышибешь, колом не выбьешь* и т. д. [46, стр. 9—10].

Представляется более целесообразным оставить за термином «фразеологическая серия» более широкое понятие, которое было бы родовым, например: совокупность ФЕ, объединенных на основании определенного признака или признаков. Видовые понятия при этом должны иметь уточняющий член в термине, например, «семантическая фразеологическая серия», «семантико-грамматическая фразеологическая серия» и т. д.

В рамках фразеологической серии ФЕ соотнесены и противопоставлены. Такая соотнесенность и противопоставленность может

быть на уровне лексем компонентов или на уровне семем (компонентов или общих значений ФС), на уровне грамматической структуры и т. д. В зависимости от признаков, по которым соотносятся или противопоставляются ФС, можно наметить разные виды серий фразеологических сочетаний в русском языке.

Основанием для сопоставлений могут быть соотнесенность общих значений ФС, значений компонентов ФС, а также тождественность составляющих их лексем. Причем для ФС, аналитичных образований, принципиально важно различать соотнесенность стержневых и переменных членов, поскольку во фразеологическом плане они оказываются неравноценными, нерядоположными.

Сложность отношений между ФЕ в общей системе фразеологии приводит к тому, что одно и то же ФС может выступать в различных фразеологических сериях, основанных на соотнесенности — противопоставленности по разным признакам. Так, ФС *куриная память* соотнесено по общему значению с ФС *девичья память*, *дырявая память*, но противопоставлено им лексемами стержневых членов; одновременно ФС *куриная память* и *куриная грудь* соотнесены тождественностью лексем стержневых членов, но противопоставлены по общему значению и лексемам переменных членов.

Кроме фразеологических серий, при выделении которых учитываются как отношения между общими значениями ФС, так и отношения между составляющими компонентами, выделяются семантические ряды ФС и фразеологические гнезда.

Семантический ряд объединяет ФС на основе соотнесенности общих значений. В пределах категории фразеологических сочетаний выделяются синонимические ряды ФС и антонимические ряды ФС.

Фразеологические гнезда ФС выделяются на основе соотнесенности компонентов ФС. Под *фразеологическим гнездом* понимается совокупность ФС с тождественными в лексико-семантическом отношении стержневыми членами при лексико-семантической нетождественности переменных членов этих ФС.

2. Серии фразеологических сочетаний

По соотнесенности — противопоставленности ФС в русском языке можно выделить и соответствующие типы фразеологических серий.

Вариантно-синонимические серии, в которых члены серии объединяются тождеством стержневых членов в лексико-семантическом плане и одноплановостью, сходством общих значений ФС, а различаются переменными членами ФС, входящих в серию, например: *гомерический смех* — *гомерический хохот*; *рукопашный бой* — *рукопашная схватка*; *вольготная жизнь* — *вольготное житье*; *истощный крик* — *истощный вопль*; *гробовая ти-*

шина — *гробовое молчание*; *горькая правда* — *горькая истина*; *смертельная скука* — *смертельная тоска*; *щекотливый момент* — *щекотливое положение*; *ласкать ухо* — *ласкать слух*; *уменьшать роль* — *уменьшать значение*; *одержать верх* — *одержать победу*; *окинуть взглядом* — *окинуть взором* — *окинуть оком*; *кануть в прошлое* — *кануть в вечность*.

В состав такой серии входят ФС с одинаковой грамматической структурой, чаще всего они состоят из двух ФС, хотя могут быть и более многочисленными, например: *городить чепуху*, *городить ерунду*, *городить чушь*, *городить вздор*, *городить ахинею*, *городить дичь*.

Переменные члены, входящие в состав таких серий, представляют собой слова, которые соотносятся как синонимы в лексике, что, однако, не мешает им различаться в лексической системе оттенками значений, стилистической окраской и т. д. В составе ФС эти различия стираются, что приводит к большему их сближению.

Так, ФС *гомерический смех* и *гомерический хохот* включают слова «смех» и «хохот», которые заметно различаются оттенками значений в лексической системе языка: *хохот* — «сильный, громкий смех». Но в составе ФС эти различия в оттенках нейтрализуются и слова «смех» и «хохот» перестают быть противопоставленными по значению, поскольку само слово «гомерический» уже предполагает высокую степень признака, что вообще характерно для прилагательных с фразеологически связанным значением.

Синонимические серии, в которых члены серий объединяются лексико-семантическим тождеством переменных членов и сходством общих значений, а различаются стержневыми членами, например: *прописная истина* — *азбучная истина*; *ломать дурака* — *разыгрывать дурака* — *валить дурака*; *облить презрением* — *обдать презрением*; *дедовский способ* — *допотопный способ*; *египетский труд* — *сизифов труд*; *тонкая работа* — *ювелирная работа*; *немая карта* — *контурная карта*; *халатные отношения* — *наплевательское отношение*; *отпетый дурак* — *круглый дурак* — *набитый дурак*; *цветистые фразы* — *пышные фразы* — *трескучие фразы*; *дикий восторг* — *телячий восторг*.

В этом типе серий встречаются и такие, которые, обладая общим сходным значением, имеют разную грамматическую структуру, например: *реветь белугой* — *ревмя реветь*. Стержневые члены ФС, входящих в эти серии, могут быть синонимичными и со свободными значениями, когда они выступают как обычные слова в составе свободных словосочетаний (ср.: *облить водой* — *обдать водой*, *облить презрением* — *обдать презрением*). Однако такие синонимические отношения стержневые члены чаще приобретают лишь в составе ФС; слова, их представляющие, не синонимичны в системе лексики (например: *трескучие фразы*, *пышные фразы*; *наводить страх*, *нагонять страх*).

Вариантно-синонимические и синонимические серии образуют синонимические семантические ряды ФС. Синонимия ФС, таким образом, может быть основана на синонимии стержневых членов ФС или на синонимии переменных членов. Причем синонимия, основанная на такой соотнесенности переменных членов, по сути дела, является лексической, поэтому такие ряды синонимов можно определить как лексико-фразеологическую синонимию, а ряды ФС, в которых соотнесенными оказываются стержневые члены, не соотносящиеся так в системе лексики, можно охарактеризовать как собственно фразеологическую синонимию.

Вариантно-антонимические серии, в которых члены серии объединяются лексико-семантическим тождеством стержневых членов и полярной соотнесенностью общих значений ФС, а различаются переменными членами. Эти серии в русском языке также чаще всего состоят из двух членов: *положить начало — положить конец, доставить радость — доставить горе, навести порядок — навести беспорядок* и т. д. Обнаружено таких серий немного, преимущественно это субстантивно-глагольные ФС. В составе ФС, образующих эти серии, переменные члены в системе лексики тоже являются антонимами, поэтому эти пары можно характеризовать как явление лексико-фразеологической антонимии.

Антонимические серии представляют собой объединение ФС с лексико-семантическим тождеством переменных членов и полярной соотнесенностью общих значений ФС, которые различаются стержневыми членами: *подорвать авторитет — поднять авторитет, обострить противоречия — сгладить противоречия, закрыть счет — открыть счет, навеять грусть — рассеять грусть, слабый пол — сильный пол, дырявая память — крепкая память* и т. д.

В этих сериях также выделяются пары ФС, в которых антонимия создается такими стержневыми членами, которые как слова со свободными значениями в системе лексики противопоставлены антонимически (ср.: *закрыть — открыть, сильный — слабый*), однако в составе ФС эти стержневые члены имеют фразеологически связанное значение, что и делает их чисто фразеологически противопоставленными. В других случаях противопоставленные стержневые члены в свободных значениях не выступают как антонимы в лексике (ср.: *поднять — подорвать*, но: *поднять авторитет — подорвать авторитет; на копейку — палата*, но: *ума на копейку — ума палата*).

Семантический ряд, отражающий антонимию ФС, включает в себя не только два рассмотренных типа антонимических серий, но и противопоставленные стержневыми и переменными членами пары ФС, находящиеся в полярной семантической соотнесенности: *заклятый враг — закадычный друг, поднять шум — утановить тишину, потерпеть поражение — одержать победу* и т. п.

3. Фразеологические гнезда в русском языке

Изучение ФС, объединенных тождественными в лексико-семантическом плане стержневыми членами, представляет особый интерес в связи с вопросами фразообразования [47, стр. 104—109], в связи с изучением сочетаемости слов с фразеологически связанными значениями.

Фразеологические гнезда противопоставлены единичным ФС, т. е. таким, которые содержат стержневые члены, допускающие единичную сочетаемость: *обложной дождь, принять участие, яблоко раздора, безлюдный фонд, завиральные идеи, задним числом, вавилонское столпотворение, печать молчания, малиновый звон* и др.

Интересно отметить, что ФС с единичной сочетаемостью стержневых членов чаще всего встречаются среди адъективно-субстантивных ФС, особенно в той их части, которая представляет собой составные бытовые названия или составные термины: *слепая кишка, берцовая кость, перистое облако, гашеная известь, паюсная икра, репчатый лук, парное молоко* и т. д.

Объясняется это, видимо, тем, что для адъективно-субстантивных словосочетаний характерна назывная функция. Единичная сочетаемость стержневых членов терминологических сочетаний объясняется требованиями, предъявляемыми к терминам, в частности обязательной однозначностью термина.

При установлении фразеологического гнезда нужно различать единичные и серийные образования, что оказывается иногда довольно затруднительным. Трудности здесь в том, что, во-первых, далеко не всегда можно четко определить, имеем ли мы дело в одном и тем же фразеологически связанным значением слова у разных ФС, например у стержневых членов ФС *крайний срок* и *крайняя цена*. Во-вторых, в том, что наряду с узальными случаями употребления стержневого слова существуют случаи окказионального употребления. Так, ФС *бальзаковский возраст* представляется единичным с точки зрения традиции употребления слова «бальзаковский» в этом значении, хотя встречаются и такие случаи: *А вам, бальзаковским барыням, все сходит с рук. А. Чехов. От нечего делать. ... он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. М. Лермонтов. Герой нашего времени.*

Семантическая тождественность стержневых членов ФС признается в тех случаях, когда они допускают субституцию одним и тем же словом в контекстах, например: *От воды веяло свежестью, и тихий плеск небольших волн ласкал* (ср. радовал) *слух. И. Тургенев. Накануне. Чтоб каждый помнил, как нетленна чарующая красота, прекрасная рука Шопена из алебаstra отлита. Зато, что долго слух ласкала* (ср. радовала) *и не спешила от-*

дохнуть, на алом бархате Ла Скала ей довелось теперь уснуть. И. Кобзев. Рука Шопена. *Я ухо словом не привык ласкать* (ср. радовать). В. Маяковский. *Во весь голос. Картина ласкает* (ср. радует) *глаз зрителя прелестью освещения.* В. Гаршин. Заметки о художественной выставке.

В тех случаях, когда стержневые члены ФС не допускают замены одним и тем же словом, они признаются нетождественными семантически. Так, ФС *бросить взгляд* и *бросить намек* допускают замену стержневых членов лишь разными словами, что и говорит об их семантической нетождественности: *Лоханкин смахнул с бороды затесавшиеся туда крошки, бросил* (ср. обратил) *на жены осторожный косой взгляд и затих на своем диване.* И. Ильф, Е. Петров. *Золотой теленок. Несколько голосов бросили* (ср. высказали) *намек в сторону Москвы — намек успеха не имел.* А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина.

Различные значения стержневых членов ФС *трескущий мороз* и *трескущие фразы*, *кромешный ад* и *кромешная тьма* требуют признать ФС *кромешный ад* и *трескущий мороз* единичными ФС, не входящими в состав фразеологического гнезда.

Проблематика изучения фразеологических гнезд связана с рядом важных вопросов, на которые еще не даны ответы: чем обусловлена избирательная сочетаемость слов с фразеологически связанными значениями, каковы закономерности сочетаемости слов с такими значениями, да и существуют ли такие закономерности вообще, и т. п. Наконец, представляет несомненный интерес анализ социальных причин, порождающих одни сочетания, способствующих отмиранию других. Такой аспект намечается уже в ряде работ [48].

Количество ФС, входящих в состав фразеологического гнезда, может колебаться от двух до пяти-семи единиц. Однако количественные показатели еще не раскрывают характер фразеологического гнезда. Важным представляется лексико-семантический характер гнезда.

Фразеологическое гнездо обладает определенным инвариантным значением, которое может быть «широким» или «узким». «Узость» инвариантного значения гнезда определяется семантикой переменных членов, степенью их семантической близости. Фразеологическим гнездом с «узким» инвариантным значением признается такое, в котором переменные члены являются синонимичными. Таковы фразеологические гнезда *дар речи, дар слова; гомерический смех, гомерический хохот; подмоченная репутация, подмоченный авторитет* и др.

Во фразеологических гнездах с «широким» инвариантным значением все переменные члены не являются выразителем одного и того же значения, например: *коронный номер, коронная роль; глубокая осень, глубокая старость; горячее участие, горячее сочув-*

ствие; ронять достоинство, ронять авторитет; резать слух, резать глаз, резать ухо.

Последнее фразеологическое гнездо отличается тем, что в его составе есть серия синонимичных ФС (*резать ухо, резать слух*), однако третий член этого гнезда — *резать глаз* — расширяет его семантическую сферу и превращает его во фразеологическое гнездо с «широким» инвариантным значением. Такое же положение наблюдается у фразеологических гнезд *выместить злобу, выместить зло, выместить обиду, выместить досаду; смертельная скука, смертельная тоска, смертельная ненависть, смертельная злоба; умалять значение, умалять роль, умалять достоинство; зеленая молодежь, зеленый юнец.*

Таким образом, среди фразеологических гнезд русского языка выделяются два основных типа: фразеологические гнезда с широким инвариантным значением и фразеологические гнезда с узким инвариантным значением. Причем в пределах первого типа есть такие фразеологические гнезда, в которых как бы объединяются два указанных типа гнезд.

ЧАСТЬ II

СУБСТАНТИВНО-ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

Глава первая ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВНО-ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

1. Лексико-семантические свойства именных компонентов

Субстантивно-глагольные фразеологические сочетания, т. е. образования, состоящие из грамматически господствующего глагола и зависимого имени существительного, обычно в качестве стержневого члена, фразеологически конституирующего, имеют глагол.

Это положение нарушается существованием отдельных ФС типа *зги не видно*, где стержневым членом выступает имя существительное, утратившее, однако, присущие существительному грамматические свойства и самостоятельное значение. От исследуемого материала отграничиваются также образования типа *реветь белугой*, в которых фразеологически связанный член не является одновременно грамматически господствующим, а по грамматическим признакам и значению близок к наречию (ср. громко реветь).

В рассматриваемых ФС именные члены всегда являются переменными: *скрестить взгляды, расшатать нервы, тянуть время, навести справки* и т. д. Именные члены здесь не имеют признаков, которые препятствовали бы их широкой сочетаемости в данных значениях с другими словами. Например, в составе ФС *пробудить интерес* слово «интерес» имеет значение «внимание, возбуждаемое по отношению к кому — чему-н. значительному, важному, полезному или кажущемуся таким» [36. т. 1, ст. 1216]. С этим же значением слово «интерес» может выступать в большом количестве свободных словосочетаний: *обнаружить интерес, почувствовать интерес, интерес человека, большой интерес* и т. д.

Как указывалось, свобода переменного члена является как раз тем признаком, который позволяет отграничивать ФС этой группы

от ФЕ с неразложимым значением, включающих омонимичный глагольный член. Так, ФС *городить чушь* отличается от ФЕ с неразложимым значением *городить огород* тем, что именной компонент последней — «огород» — не обладает свободным значением.

В составе субстантивно-глагольных ФС чаще выступают однозначные существительные, как, например, во фраземах *кормить обещаниями, загладить бестактность, осыпать упреками, возлагать надежды, щекотать самолюбие, нести ахинею, сеять панику, вызвать досаду, держать пари, обдать презрением* и т. п.

Однако не всегда именной член является однозначным словом. В исследуемых фразеологических сочетаниях со структурой словосочетания (фраземах) употребляются и существительные многозначные, причем в составе ФС они могут употребляться либо в своих основных значениях (*резать правду, тянуть время, плести интригу, бросить взгляд, резать слух, взять барьер*), либо с одним из второстепенных значений (*скрестить взгляды, резать ухо, поднять базар*). В последних примерах существительные имеют переносные значения, что не нарушает их «свободы».

ФС, в которых именные члены выступают с переносным значением, более синтетичны, однако это не дает еще оснований относить их к ФЕ с неразложимым значением. Например, в составе фразеологического гнезда *сорвать зло, сорвать злобу, сорвать обиду, сорвать сердце* последнее ФС включает в свой состав именной член с переносным (архаичным) значением «гнев, состояние человека, сердитого на кого-нибудь». Переносное значение слова «сердце» еще больше затемняет смысл фразеологически связанного компонента, однако на фоне фразеологического гнезда ФС *сорвать сердце* осознается как образование аналитичное, т. е. фразеологическое сочетание.

Еще сложнее положение с именными компонентами ФС *выматывать душу, облегчить душу, отвести душу, кривить душой; поднять дух, воспрянуть духом, пасть духом*. Слово «душа» в первом ряду приведенных ФС может быть подведено под определение: «Внутренний, психический мир человека. *В душе росло внимание к человеку. М. Грькй. Д. поэта встрепенется, Пшкй. А душу можно ль рассказать?* Лрмнтв. Д. стесняется лирическим волнением. Пшкй. *Излить душу кому-н.*» [36, т. I, 817, 3 знач.]. Важно отметить, что слово «душа» с этим значением может выступать свободно в составе переменных словосочетаний, как это наглядно показано в приведенных примерах.

ФС, включающие компоненты «душа», «дух», допускают иногда замену всего выражения соотносительным по значению словом, например: — *За что ты меня терзаешь? За что?.. Ну, хоть бы одну ноченку ты из мену души моей не выматывал* (ср. не изводил). А. Куприн. Ночлег. — *Я к вам пришел, чтоб облегчить душу* (ср. успокоиться, выговориться с целью успокоения). А. Че-

хов. Человек в футляре. Рагозин пошутил однажды, что уж, мол, выйдем на пенсию, тогда отведем душу (ср. наговоримся), за самоварчиком. К. Федин. Костер. — Что ж, побранили новые порядки? — с улыбкой сказал Свяжский. — Не без того. — Душу отводили (ср. высказались, выговорили накопившееся). Л. Толстой. Анна Каренина. Великий комбинатор кривил душой (ср. хитрил). Первое свидание с миллионером-конторщиком возбуждало его. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Иван Васильевич стал бодрее, воспрянул духом (ср. прибодрился) после присоединения Сибири. В. Костылев. Иван Грозный. Д-ру Членову скажи, что он человек молодой, что все устроится при настойчивости, не надо только падать духом (ср. расстраиваться, отчаиваться) и хныкать. А. Чехов. Письмо М. П. Чеховой от 8 февр. 1902 г. Веселое настроение не покидало его и тогда, когда другие были готовы упасть духом (ср. отчаяться), и в такие минуты Шутиков был незаменим. К. Станюкович. Человек за бортом.

Обнаруженная глобальность общего значения этих ФС, подтверждаемая возможностью семантической идентификации одним словом, не дает, однако, еще оснований считать, что значения именных членов в них не самостоятельны, поскольку эти существительные употребляются и в составе свободных словосочетаний с этими же значениями.

Семантическая самостоятельность именных членов рассматриваемых фразем позволяет различать общие значения ФС, относящиеся к одному фразеологическому гнезду. Так, различается общее значение ФС *бередить душу* и *бередить сердце, бередить рану: Новыми заботами жил теперь Леон, новые думы бередили его душу* (ср. волновали, тревожили его). М. Соколов. Искры. Кусточки, склянки, банки — все собрал Иван Николаевич в одно место, чтобы унести с глаз долой, чтобы не бередили его большое сердце (ср. не тревожили его большое сердце), да и в горнице не мешались. В. Солоухин. Владимирские проселки. Поют все двадцать шесть; громкие, давно спевшиеся голоса наполняют мастерскую; песне тесно в ней: она бьется о камень стены, стонет и оживляет сердце тихой щекощущей болью, бередит в нем старые раны (ср. тревожит раны) и будит тоску. М. Горький. Двадцать шесть и одна.

С другой стороны, семантическое тождество именных членов усматривается в таких словосочетаниях: *вымотать душу, травить душу, успокоить душу* и т. п.

Вместе с тем, сопоставляя такие ФС с образованиями, в которых значение именного члена осознается четко и ясно, следует признать, что эти образования составляют особую группу в пределах категории фразеологических сочетаний.

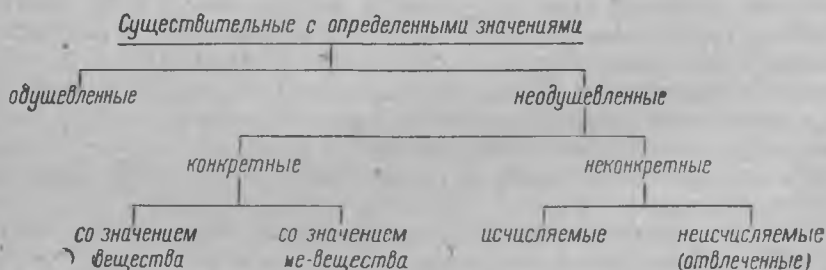
Обращает на себя внимание еще одна особенность именных членов субстантивно-глагольных ФС: в них часто употребляются

существительные, не имеющие коррелятивных форм числа. Так, существительные в составе ФС *сдержать слово, тянуть время, резать слух, развеять печаль* и др. не имеют форм множественного числа, а именные члены ФС *обострить отношения, строить догадки, взвинтить нервы, распускать слюни* не имеют форм единственного числа. В данном случае, однако, ограничения накладываются не фразеологической системой, а лексической, ибо эти существительные с этими же значениями и в свободных словосочетаниях не употребляются с коррелятивными формами числа.

Тот факт, что большинство существительных в составе ФС данного типа не имеет коррелятивных форм числа, связывается с положением о том, что отвлеченные существительные в русском языке не характеризуются исчисляемостью, т. е. обычно не имеют обеих форм числа. Таким образом, именные члены в составе этих образований имеют стремление к отвлеченности. Интересно отметить, что такая же тенденция выявлена и на материале фразеологических сочетаний испанского языка [49, стр. 32—33].

Для определения лексико-грамматических разрядов существительных, употребляющихся в составе субстантивно-глагольных ФС русского языка, нужна классификация существительных, которая опиралась бы на некоторые формальные признаки. Попытка подобной классификации существительных английского языка сделана Ю. Д. Апресяном [50]. Учет некоторых формальных признаков, на наш взгляд, придаст большую четкость такой классификации, хотя целиком построить классификацию существительных на основе формальных признаков пока не удастся.

Учитывая сказанное, наметим следующую классификацию имен существительных русского языка.

Анализ по данной классификации показывает, что из первых двух наиболее общих разрядов существительных ФС исследуемого типа включают только «неодушевленные», поэтому дальнейшая классификация проводится только для «неодушевленных».

Членение «неодушевленных» существительных на «конкретные» и «неконкретные» опирается на некоторые формальные признаки:

к «неконкретным» относятся прежде всего существительные, не имеющие коррелятивных форм числа. Однако к этому же разряду оказывается необходимым отнести и ряд существительных, имеющих такие формы; конкретность — неконкретность определяется с помощью экстралингвистических признаков: «конкретные» в противоположность «неконкретным» обозначают то, «что является реальностью, доступной для чувственного восприятия» [51, стр. 137]. Вместе с тем это членение опирается на некоторые собственно лингвистические признаки, например, на антонимию, характеризующую слова с «неконкретным» значением [52], а также на словообразовательные признаки.

В пределах «неконкретных» выделяются два класса значений существительных: «исчисляемые конкретные» и «неисчисляемые конкретные». Это членение основано на формальном признаке: наличие (отсутствие) форм числа. При этом выделяются два класса, к которым относится подавляющее большинство именных членов субстантивно-глагольных ФС. Так, к классу «исчисляемых неконкретных» относятся именные члены ФС *взвинтить цену* (цены), *присвоить звание* (звания), *держаться взгляда* (взглядов), *лелеять мечту* (мечты) и т. д. К классу «неисчисляемых неконкретных» принадлежат именные члены ФС *поселить вражду*, *заронить любовь*, *воздать честь*, *навеять грусть*, *затаить злобу*, *вспыхнуть гневом* и др.

Среди «конкретных» также выделяется два класса: «обозначающие вещества» и «обозначающие не-вещества». Это деление также опирается на признак исчисляемости. Именных компонентов ФС, обозначающих вещества, не обнаружено. Вообще в составе субстантивно-глагольных ФС именные компоненты со значением конкретности встречаются сравнительно редко. В основном это существительные, обозначающие части тела живых существ, чаще всего человека: *нахмурить лоб*, *расквасить нос*, *потупить голову*, *скалить зубы*, *таращить глаза* и т. д.; реже — животных и птиц: *наохлеть перья*, *взъерошить шерсть*.

Таким образом, именные компоненты субстантивно-глагольных ФС распределяются по трем классам существительных, представляющих собой: а) существительные со значением неодушевленных конкретных исчисляемых предметов (не-веществ), например, *нахмурить лоб*, *наохлеть перья*; б) существительные со значением неконкретных, исчисляемых понятий типа *одержать победу*, *взвинтить цены*; в) существительные со значением неконкретных неисчисляемых понятий типа *сорвать зло*, *крутить любовь*, *водить дружбу*.

Переменные члены субстантивно-глагольных ФС, в отличие от стержневых членов, могут выступать с этими же значениями в составе свободных словосочетаний, а также в составе других ФС с другими стержневыми членами. Так, существительное «автори-

тет» входит в ряд ФС, относящихся к различным фразеологическим гнездам: *уронить авторитет, пошатнуть авторитет, подорвать авторитет, подмоченный авторитет* и др.; существительное «глаза» в одном значении выступает в составе ФС *отвести глаза, потупить глаза, мозолить глаза*, в другом — в составе ФС *набить глаз, резать глаз, ласкать глаз*.

В составе фразеологического гнезда именные члены обычно имеют связь с явлениями либо положительной, либо отрицательной оценки. Отрицательной оценкой характеризуются фразеологические гнезда в целом и входящие в их состав именные члены в следующих примерах: *нести ахинею* (чушь, чепуху, ерунду и др.), *раздуть вражду* (ссору), *обдать злобой* (презрением), *наводить тоску* (скуку, печаль, уныние). Наоборот, положительной оценкой отмечаются именные члены ФС *дышать молодостью* (свежестью, бодростью, отвагой, умом); *лить аромат* (благоухание) и т. п. Такая дифференциация препятствует образованию сочетаний типа *раздуть уважение, навевать веселье, дышать старостью*, хотя у ФЕ с неразложимым значением такого рода образования есть (ср., например, *дышать на ладан*).

Представляется, что указанная дифференциация есть одно из проявлений «внутренних законов» языка, хотя рассмотренное положение не является абсолютным, имеются отдельные случаи, когда в одном фразеологическом гнезде совмещаются ФС с различной окраской: *воспылать гневом* и *воспылать любовью*.

2. Лексико-семантические свойства глагольных компонентов

В составе ФС типа «глагол + существительное» глагольные компоненты выступают в качестве стержневых членов, совмещая в себе понятия «фразеологически конституирующий член», т. е. стержневой, и «грамматически господствующий член». Поэтому их изучение особенно важно.

Среди глаголов русского языка выделяется сравнительно небольшая группа слов, которые, обладая лишь одним или двумя фразеологически связанными значениями, выступают в речи только в составе ФС. К ним относятся: *бередить* (душу, раны, сердце), *блести* (закон, порядок), *возгореться* (любовью) *воспылать* (гневом, любовью), *водворять* (порядок), *вперить* (взгляд, взор), *вымотать* (силы), *выместить* (зло, обиду), *вскружить* (голову), *замять* (разговор), *излить* (душу), *коротать* (век, время), *мыкать* (горе), *насупить* (брови), *нахмурить* (брови), *обагрить* (кровью), *обострить* (отношения), *одержать* (победу, верх), *окинуть* (взором, взглядом, глазами), *оскалить* (рот), *ощерить* (зубы), *понурить* (голове), *потупить* (взор, голову, очи, глаза), *поникнуть* (головой), *разинуть* (рот), *расквасить* (нос), *сквитать* (долг), *сморозить*

(чушь, чепуху, глупость, ерунду), *улучить* (момент), *учинить* (расправу, разнос), *уголить* (голод), *щурить* (глаза).

Все приведенные глаголы обладают фразеологически ограниченным употреблением, образуя стабильную совместную встречаемость с одним определенным словом или одним из ряда слов. Этот тип глаголов неоднороден по формальным признакам. Среди них можно выделить глаголы, имеющие соотносительные пары среди глаголов свободного употребления, и глаголы, не имеющие таких пар.

К первому виду принадлежат глаголы, фразеологичность которых как бы определяется морфемами: приставки этих глаголов отличают их от однокоренных глаголов свободного употребления (ср. *излить* — *лить*, *вскружить* — *кружить*). У ряда глаголов с фразеологически связанным значением и ограниченным употреблением приставки выделяются только исторически: *снискать* (расположение), *стяжать* (славу) и др.

Другой вид глаголов с фразеологически ограниченным употреблением — это глаголы, не имеющие однокоренных среди глаголов свободного употребления, например: *скалить* (зубы), *щурить* (глаза), *таращить* (глаза), *вперить* (взор), если, однако, не учитывать возвратных форм тех же глаголов, в которых сконцентрировано значение целых сочетаний, включающих этот глагол: *таращить глаза* — таращиться, *сквитать долг* — сквитаться, *потупить голову* — потупиться.

Различение глаголов, имеющих формально соотносительные пары среди глаголов свободного употребления и не имеющих таких пар, интересно в том отношении, что у первых обнаруживается определенная метафоричность значения, например: *пустить, выпустить птицу* — *испустить вопль*, *растить дерево* — *отрастить живот* и т. п. В этом случае существование слова с фразеологически связанным значением и ограниченным употреблением детерминирует существование другого слова, этимологически с ним связанного, что и позволяет осознавать его значение как переносное, хотя, по сути дела, здесь перенос значения морфемы (корня), а не всего слова.

Следует заметить, что перенос значения в подобных случаях может осуществляться по-разному. Например, более четко осознается перенос значения у глаголов фразем *расквасить нос*, *натрудить руку*, *мозолить глаза*, *проронить слово*, *обострить отношения*; не устанавливается метафоричность значения на основе синхронного сопоставления у глаголов ФС *сморозить вздор*, *стяжать славу* и др.

Однако большая часть глаголов исследуемого типа ФС является многозначными глаголами, имеющими, кроме фразеологически связанного, ряд свободных значений. Эти глаголы в большинстве

своем—приставочные образования. Причем наблюдается различная степень затемнения значения приставки, а иногда и переосмысление ее деривационного значения. Например, приставка *от-* в современном русском языке вносит в глаголы значения: 1) «удаление, отстранение от чего-либо»; 2) «завершение, прекращение действия». В составе ФС исследуемого типа встречаются глаголы с этой приставкой: *отклонить* (просьбу), *оттянуть* (время), *отбить* (охоту), *отколоть* (номер), *отвесить* (поклон) и др. Если в составе глаголов «отклонить», «отбить» в этих образованиях еще можно уловить значение «отдаления, отстранения или прекращения действия», хотя бы в переносном, а не в прямом значении, то у глаголов «отколоть», «отвесить» в составе приведенных ФС указанные значения приставки уже вовсе не обнаруживаются.

Однако более важными в сравнении с рассмотренными выше лексическими и лексико-словообразовательными признаками глагольных компонентов для изучения фразеологических сочетаний оказываются семантические признаки глаголов этих образований.

Учитывая сложность семантической структуры ФС, можно ограничивать парадигматические и синтагматические свойства глагольных компонентов. Еще Ф. де Соссюр обратил внимание на то, что в системе языка устанавливаются связи парадигматические (ассоциативные) и синтагматические [53, стр. 121—123]. Это положение используется в работах Д. Н. Шмелева [7] и А. А. Уфимцевой [44, 45], посвященных лексике и семасиологии русского языка.

Парадигматические связи определяют положение слова в отношении к другим словам и выбор слов в речи. Применительно к явлениям фразеологии говорить о парадигматических отношениях компонентов ФЕ с неразложимым значением оказывается возможным лишь там, где обнаруживается имплицитное фразеологически связанное значение.

У компонентов ФС, аналитичных образований, обнаруживаются довольно четко связи с другими словами языка. Так, глагольный компонент ФС *резать правду* обнаруживает парадигматические связи с глаголами высказывания, говорения, он одновременно противопоставлен глаголу «резать», выступающему в прямом, фразеологически не связанном значении, равно как глагол «испытывать» (нужду) не только связан парадигматически с глаголами «терпеть» (нужду), «переживать» (нужду) и др., но и противопоставлен глаголу «испытывать» в прямом, фразеологически не связанном значении (*испытывать новую машину*), по степени семантической полноценности (ср. *испытывать нужду* — *нуждаться*, при невозможности идентификации одним словом свободного словосочетания *испытывать машину*).

Синтагматические связи компонентов фразем исследуемого типа особенно важны. Изучение этих связей обнаруживает сущность данной фразеологической категории, позволяет ограничивать их

от свободных словосочетаний, а также от устойчивых сочетаний, составляющих промежуточный, переходный тип.

Учет семантических особенностей глаголов в парадигматическом плане позволил определить пять типов фразеологически связанных значений глаголов (см. табл. 1).

Особо следует рассмотреть глаголы сочетаний типа *оказать доверие, дать совет*. Их часто относят к фразеологическим сочетаниям без особых оговорок, а иногда, как это сделал С. И. Ожегов [10], указывают на семантическую опустошенность глаголов в этих сочетаниях.

Характер значений глагольных компонентов этих образований как будто отличается от характера значений глаголов ФС, но с помощью трех использованных оппозиций различать эти явления нельзя. Так, глагол сочетания *дать совет* характеризуется теми же признаками из числа намеченных, что и глаголы, например, *ФС кормить обещаниями, водить дружбу, терпеть нужду*: их сближает отсутствие признаков «первичность значения» и «семантическая полноценность» и наличие признака «отвлеченность значения» (ср. *кормить обещаниями* — обещать, *водить дружбу* — дружить, *дать совет* — посоветовать). Для разграничения этих глаголов (и словосочетаний в целом) используется оппозиция «узкая сочетаемость (широкая сочетаемость)».

Разграничение сочетаний типа *дать совет* и подлинно ФС сложнее, чем разграничение ФС и свободных словосочетаний. Здесь особое значение приобретает установление «порога» узкой сочетаемости. Как показывают наблюдения, для глаголов с фразеологически связанными значениями в большинстве случаев сочетаемость ограничена пятью словами, лишь в редких случаях такая сочетаемость достигает шести-семи слов. Более характерной оказывается сочетаемость с двумя-тремя словами. Таким образом, можно считать порогом «узкой» сочетаемости пять — семь переменных, с которыми может выступать глагол с фразеологически связанным значением.

Сочетаемость глаголов, выступающих в образованиях типа *дать совет, делать замечания*, как показывают специальные исследования [54], гораздо шире. Столь же широка сочетаемость глагола «оказать», входящего в сочетания *оказать помощь, оказать доверие* и т. д.: *Злая звезда Паниковского оказала свое влияние на исход дела.* И. Ильф, Е. Петров. *Золотой теленок.* *Кроме нас тут некому оказать ему поддержку.* А. Чехов. *Дуэль.* *Они же мне, молодому агроному, честь оказывают, приглашая меня.* Г. Николаева. *Жатва.* *Маша стала оказывать молодому учителю уважение.* А. Пушкин. *Дубровский.* *Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство.* И. Тургенев. *Хорь и Калиныч.* *Флорес прыгнул вниз, схватил незнакомца и вынес его на руках. Тот даже не оказал сопротивления.*

А. Беляев. Остров погибших кораблей. Второе: мы не будем отказываться от этого звания, более того — мы будем обращаться ко всем учреждениям и лицам с просьбой оказать нам надлежащее содействие. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Она [Зоя] покупала мелких хроникеров, на которых он не обращал внимания, но они оказывали ему больше услуг, чем солидные журналисты. А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. Он понял, что не может оказать Дятлову помощь, и сказал: «В больницу бы тебя, Степа!». М. Бубеннов. Белая береза. Болезнь по-видимому, оказала на меня свое действие: пишется туго и неуклюже. М. Салтыков-Щедрин. Письмо к П. В. Анненкову от 18 окт. 1875 г.

Если к этому перечню добавить *оказать внимание, оказать доверие, оказать почет, оказать любезность*, то сочетаемость глагола «оказать» этим как будто и ограничивается.

В большинстве случаев образования типа *дать совет, делать замечания, оказать помощь* либо не допускают субституции глагола, либо допускают ее глаголами из этих же образований: *оказать предпочтение — сделать предпочтение*.

В. В. Виноградов, называя такие образования «описательными выражениями», отмечал, что они усиленно развивались с конца XVIII в. и составлялись «из более или менее абстрактного глагола, выражающего собой оттенки деятельности или действия вообще, т. е. из глагола с почти замерзшим (вне данной связи) конкретным значением, и из зависимого отглагольного существительного, которое и раскрывало суть, содержание действия» [55, стр. 414].

Одновременно нужно указать, что глаголы таких образований обнаруживают ограничения в сочетаемости со словами, относящимися к той же семантической сфере, что и слова, с которыми они сочетаются. Так, не говорят, например: *оказать любовь, оказать участие*.

Учитывая сказанное, образования этого типа нужно выделить в особый разряд, не включаемый в категорию фразеологических сочетаний.

3. Лексико-семантические свойства различных типов субстантивно-глагольных фразеологических сочетаний

Субстантивно-глагольные ФС представлены в русском языке шестью основными типами, намеченными выше. Указанная классификация применительно к этому грамматическому типу ФС может быть уточнена лишь в том отношении, что среди ФС с глобальным одновершинным значением различаются ФС, у которых общее значение определяется в основном глагольным компонентом, и ФС, общее значение которых определяется в основном именным ком-

понентом. Таким образом, ФС, состоящие из глагола и управляемого им существительного, отражающие отношения действия и объекта, можно классифицировать по следующей схеме:

Проведенная классификация опирается на качественные признаки исследуемых образований и их компонентов. Однако возможна классификация ФС по количественным показателям, с точки зрения количественной сочетаемости стержневых членов. В этом случае в пределах каждого типа субстантивно-глагольных ФС можно выделить два вида: ФС с единичной сочетаемостью стержневого члена и с серийной сочетаемостью стержневого члена. Последние всегда образуют фразеологическое гнездо. Однако такое добавление к классификации значительно усложнило бы ее, поэтому такое деление не проводится.

Выделенные типы субстантивно-глагольных ФС в общем повторяют классификацию ФС, представленную выше, они, естественно, обладают теми признаками, которые уже указывались, но одновременно у каждого из выделенных разрядов субстантивно-глагольных ФС есть особые признаки, на которых здесь и следует остановиться.

ФС типа *бередить душу* немногочисленны в русском языке. У них бывает возможна замена стержневого члена синонимическим словом, например: *бередить душу* — *тревожить душу*, *морочить голову* — *дурить голову*. Одновременно они могут допускать идентификацию одним словом, например: *бередить душу* — волновать, тревожить, *морочить голову* — дурачить. Интересно отметить, что общее значение ФС этого типа может быть передано тем словом, которое используется при субституции стержневого члена.

Тесная спаянность компонентов в этом типе объясняется также тем, что переменный член в них выступает с переносным значением.

ФС типа *кривить душой* более многочисленны, чем ФС первого типа. Сюда относятся такие субстантивно-глагольные ФС, как *отвести душу*, *вымотать душу*, *раскинуть умом*, *раскинуть мозгами*, *поднять настроение*, *предать земле*, *распускать руки*, *распускать язык*, *ломать шапку* и т. д. В их основе обычно лежит определенный образ, что и побуждает фразеологов часто относить их к фразеологическим единствам. Проблема разграничения этих образований и фразеологических единств данного грамматического типа осложняется еще и тем, что фразеологические единства, не допускающие обычно субституции членов, могут иметь варианты, очень напоминающие такую субституцию; причем для семантически неразложимых ФЕ возможна как вариантность именного члена (*намылить голову* — *намылить шею*, *смешать с грязью* — *смешать с землей*, *сесть в калошу* — *сесть в лужу*), так и глагольного члена (*припереть к стенке* — *прижать к стенке*, *подрезать крылья* — *подсечь крылья*, *метать бисер перед свиньями* — *рассыпать бисер перед свиньями*). Однако, если такая вариантность у ФЕ с неразложимым значением обычно не сказывается на значении всей ФЕ, то у ФС вариантность именного члена может приводить к существен-

ному изменению общего значения ФС (*распускать язык — распускать руки*), хотя и здесь наблюдается немало синонимических вариантов (*поднять дух — поднять настроение; раскинуть умом — раскинуть мозгами*).

Кроме того, ФС описываемого типа могут иметь соотносительные пары, в которых выступают разные стержневые члены при сходстве общих значений этих выражений: *раскинуть мозгами — пошевелить мозгами*.

Принципиальное отличие ФС данного типа от семантически неразложимых ФЕ в том, что в составе ФС есть элемент со свободным значением. Это отражается и в толковых словарях. Например в «Толковом словаре русского языка» [36] ФС *набросить тень* дано в связи со словом «набросить», помещено за ромбом и сопровождается указанием «см. тень». Слово «тень» в этом же словаре так объясняется в 9 значениях: «9. *перен. только ед.* Подозрение, вызывающее сомнение в чьей-н. добропорядочности, что-н. порочащее репутацию. *Т. падает на кого-н. Бросить, набросить, кинуть т. на кого-н. Т. ложится на кого-н.*» [36, т. 4, ст. 681]. Таким образом, утверждается, что слово «тень» в этом значении имеет семантическую самостоятельность.

Особенностью ФС рассматриваемого типа является то, что именной член в них обычно выступает с переносным значением. Это способствует целостности значения, хотя такие ФС, как указывалось, не имеют омонимов среди свободных словосочетаний, что лишний раз подтверждает их отличие от фразеологических единств.

К ФС этого типа примыкают образования, в которых как бы совмещаются прямые и переносные значения составляющих их слов. Таковы выражения *пожимать плечами, ломать шапку, махнуть рукой, чесать затылок* и т. д. Л. И. Ройзензон и И. В. Абрамец предложили называть их «фразеологическими совмещениями», выделять в самостоятельный тип, в самостоятельную фразеологическую категорию [56, стр. 63]. По этому поводу можно заметить, что, во-первых, эти явления неоднородны; с точки зрения теории фразеологических сочетаний существенно различаются образования *пожимать плечами, ломать шапку* и *чесать затылок, махнуть рукой*, во-вторых, всякого рода «довески», которые пытаются прибавить к классификации ФЕ русского языка, сделанной В. В. Виноградовым, не учитывают основания этой классификации.

ФС типа *скалить зубы* также не очень многочисленны в современном русском языке. Сюда относятся как единичные образования (*скалить зубы, тарачить глаза, жмурить глаза, насупить брови, осклабить рот, щурить глаза, нахохлить перья, понурить голову, дрыгать ногами, сутулить спину* и др.), так и серийные (*нахмурить лоб, брови; потупить взор, взгляд, глаза*. и т. п.).

В составе этих образований употребляются глаголы, не име-

ющие свободных значений. Семантический центр в них сосредоточен в глагольном компоненте, что подтверждается идентификацией всего образования возвратным глаголом, однокоренным с глагольным компонентом, как бы вбирающим в себя значение всего ФС: *нахохлить перья* — *нахохлиться*, *потупить голову* — *потупиться*, *понурить голову* — *понуриться*.

В отличие от других типов ФС оба компонента этих образований имеют конкретное значение, обозначают конкретные явления объективной действительности, хотя все сочетание в целом может иметь не только конкретное, но и отвлеченное значение. Объясняется это тем, что ФС этого типа могут быть многозначными.

Многозначность наиболее характерна для семантически неразложимых ФЕ, для свободных словосочетаний она вообще нехарактерна, так как свободное словосочетание является тем семантическим контекстом, в котором реализуется, конкретизируется одно из значений многозначного слова. Поэтому сам факт появления у образований описываемого типа нескольких значений может быть признаком их семантической целостности, признаком утраты семантической самостоятельности компонентами.

Так, ФС *скалить зубы* имеет первичное значение «раздвигая губы, обнажать, показывать зубы»: *В окне луна садилась на графитовую крышу. У стены скалил зубы мертвый Ленуар.* А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. *Эта гадина, молодая, длиннойволосая, смуглая, с черными глазами и с жирными губами, бесстыдная, наглая, оскалила свои белые, как снег, зубы и улыбалась...* А. Чехов. Без заглавия. *Огромный боксер, оскалив зубы, смотрел на Гошу.* С. Ласкин. Боль других.

Второе значение ФС *скалить зубы* — «смеяться, улыбаться» — можно рассматривать как переносное: *Найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно: чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши.* Н. Гоголь. Ревизор. *Гайнан встретил его на дворе, еще издали дружелюбно и весело скаля зубы.* А. Куприн. Поединок. *Молодой парнишка первым подбежал ко мне, зубы скалит: «Ага, чертов фриц, заблудился?»* М. Шолохов. Судьба человека.

Третье значение ФС *скалить зубы* также осознается как переносное — «сердиться, злиться»: *... Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы.* И. Тургенев. Муму. *Дворняжка вертелась, как на иголках, скалила на врагов зубы и старалась поджать как можно дальше под живот свой оципаный хвост.* А. Чехов. В Париж! *Строев шагнул внутрь, побелел. — Кто вам позволил? Вон отсюда! — Повернулась атаманиша, зубы оскалила.* — *А ты что за указчик?* Б. Лавренев. Ветер.

Наконец, в пьесе А. Сумарокова «Рогоносец по воображению» реализуется еще одно, ныне устаревшее, значение этого выражения — «зариться»: *Викул (один). Не за тем ли уже граф ко мне*

хочет пожаловать, чтобы за женою моею поволочиться? Мне это не очень полезно, а ты, граф, на чужое добро напрасно зубы скалишь, за эту честь я, ваше сиятельство, покорно благодарствую.

В лексической системе русского языка, наряду с глаголом «скалиться», который обладает теми же значениями, есть еще глагол «зубоскалить», в основе которого представлены оба корня элементов ФЕ, причем этот глагол имеет только значение «смеяться» из числа указанных значений. Сам факт существования глагола «зубоскалить» как будто говорит о том, что в дополнительных значениях, которые как бы накладываются на основное, общее значение детерминируется обоими членами бинарного образования, что характерно и для ФЕ с общим неразложимым значением.

Ряд значений выделяется у ФС *таращить глаза*. Первое — «широко раскрывать, пучить глаза» [36, т. 4, ст. 655]: *Аночка смотрит вверх и видит на низенькой звоннице кудлатого семинариста. Он таращит на нее белые глаза с пляшущими в них язычками огней...* К. Федин. Костер. *Кухарка дает ему [Грише] отхлебнуть из своей рюмки. Он таращит глаза, морщится, кашляет и долго потом машет руками.* А. Чехов. Гриша.

Второе значение — «удивляться»: — *Для них мы, заключенные, — чучела в бушлатах, — сказал Тодорский. — А если вдруг изпод бушлата выглянет человек — глаза таращат...* Б. Дьяков. *Повесть о пережитом. — Здоров, председатель! — гаркнул новоприбывший. — Будем знакомы. Сын лейтенанта Шмидта. — Кто? — спросил глава города, тараща глаза.* И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.

Различные значения имеет сочетание *потупить глаза*: 1) «опустить глаза», 2) «застесняться», 3) «застыдиться».

ФС этого типа обычно называют конкретное действие, распространенное на предмет, причем действие, являющееся внешним выражением внутреннего состояния человека, реже — животного, поэтому дополнительные значения приобретают отвлеченный характер.

ФС типа *одержать победу* представляют собой не очень многочисленную группу: *причинить вред* (убытки), *причинить беспокойство* (огорчение, боль), *пробудить интерес* (страсть, охоту, желание), *снискать расположение* (славу, доверие), *воспылать страстью* (любовью), *корчить рожи* (гримасы) и т. д.

Семантический центр этих образований заключен в именном компоненте, поэтому чаще всего идентификация таких ФС может быть осуществлена с помощью слов, однокоренных именному члену: *учинить расправу* — расправиться, *пробудить интерес* — заинтересовать, *причинить вред* — навредить и т. п.

Во ФС этого типа особенно хорошо наблюдается положение В. В. Виноградова о том, что один из путей становления фразеоло-

гически связанного значения — развитие переносного значения слова при утрате основного значения [4, стр. 16—17].

Так, глагол ФС *одержать победу* (верх) в современном русском языке имеет только фразеологически связанное значение, с которым он и выступает в составе двух указанных ФС. Если же обратиться к истории этого глагола, то оказывается, что круг употребления этого глагола в прошлом был гораздо шире: он употреблялся со значением «удерживать, придерживать, останавливать, не давать ходу, бегу, воли, простору. *Он хватается на бегу за спицу и одерживает коляску! Одерживай молодую лошадку, горячитесь! Маховое колесо одерживает и уравнивает ход машины. Снег одерживает лошадей, проваливается, лошади проступают его, нет твердого насту* // Владеть чем, обдержать занимать, захватывать брать, держать во власти своей. *Одержав высоты, можно затруднить неприятелю приступ. Господь одерживает небеса и земли.* [57, т. 2, стр. 650]. Такое употребление сейчас почти уже не встречается, кроме редких случаев: — *Вам человек из своих нужен. — Из каких это своих? — А из таких, чтоб вашу руку одерживал. Чтоб таким, как ты, богатеям в глаза засматривал да под вашу дудочку приплясывал.* М. Шолохов. *Смертный враг.*

В современном русском языке нельзя противопоставлять значение слова «одержать» прямому значению, поскольку оно вышло из употребления. Можно установить лишь переносное значение морфемы в сопоставлении со словами «задержать», «удержать», «держать». Сам факт сохранения слова «одержать» можно объяснить рядом причин, одной из которых может быть парадигматическая недостаточность глагола «победить».

Надо согласиться с утверждением В. В. Виноградова о том, что глагол «пробудить» в современном русском языке выступает только с фразеологически связанным значением «породить, вызвать появление чего-нибудь»: *пробудить интерес, пробудить желание, пробудить страсть, пробудить охоту*, хотя в лексикографической практике этот глагол представляется как имеющий и свободные значения [8, т. 11, ст. 941].

В составе ФС данного типа глагольный компонент не играет ведущей роли в общем значении фраземы. Однако не все образования этого типа имеют соотносительные глаголы, этимологически связанные с именным компонентом и близкие по значению к общему значению ФС. Так, среди входящих во фразеологическое гнездо сочетаний *причинить вред, причинить убытки* образование *причинить убытки* не имеет соотносительного свободного глагола. Нет такого глагола и у ФС *одержать верх*, хотя оно может быть идентифицировано глаголом «победить». С другой стороны, однородность семантической структуры ФС *одержать победу* и *одержать верх* как будто очевидна.

Нельзя говорить о семантической опустошенности глаголов в

составе образований этого типа. Существование свободных глаголов с корнями, общими с именными членами, еще не дает оснований для такого утверждения. Интересно отметить, что далеко не всегда возможна замена таких ФС однокоренными глаголами, соотносительными по значению. Например, такая замена невозможна в составе следующих предложений: *Одержав эту маленькую победу над главным технологом, Иван Николаевич приходит в отличное настроение, возвращается к окошку, упирается лбом в стекло и глядит на две высокие сопки, покрытые синей дымкой.* В. Липатов. Чужой. *Аннушка не только не оправдала надежд, но, вместо того, на весь уезд учинила скандал.* М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы.

Действительно, по разным причинам нельзя сказать ни «мало победив», ни «наскандалила на весь уезд». И тем не менее в большинстве случаев такая идентификация у ФС исследуемого типа возможна: *По прошествии года банки и тресты возымели желание* (ср. пожелали) *узнать, насколько благотворно отразилась на развитии промартели «Реваниш» оказанная ей финансовая и сырьевая помощь.* И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. *Анна окинула взглядом залу* (ср. оглядела залу) *и подумала: «Ах, как хорошо!»... А. Чехов. Анна на шее. Вдруг он [дворник] испустил неистовый вопль* (ср. неистово завопил)... А. Куприн. Пиратка. *Она нашла в себе довольно силы, чтобы, испустив глубокий вздох* (ср. глубоко вздохнув), *назвать азартную игру безнравственной выдумкой аристократизма.* И. Тургенев. Дым. *Алексей Александрович одержал блестящую победу* (ср. блестяще победил) *в заседании комиссии семнадцатого августа.* Л. Толстой. Анна Каренина.

ФС типа *навести справки* составляет довольно большое количество образований: *бросить упрек* (намеки, замечание) *возлагать надежды, возводить поклеп* (напраслину, подозрения, клевету), *гореть желанием* (любовью), *держаться равнение* (шаг, ногу), *испытывать нужду* (огорчение, жалость, желание), *кинуть взор* (взгляд), *кормить обещаниями, лелеять надежду* (мечту), *наложить запрет* (вето), *наводить чистоту* (порядок, красоту, блеск, беспорядок), *наращивать скорость* (темп), *отколоть шутку* (номер, колено, фокус), *осыпать похвалами* (упреками, бранью), *пролить свет, плести интриги, подавать надежды, предать забвению* (огласке, гласности), *разводить канитель, строить догадки* (предположения), *терпеть нужду* (бедствие), *хранить молчание, читать мораль* (нравоучения, наставления).

Глагольные компоненты этих образований имеют переносное значение, что вносит в эти ФС экспрессивную окраску, заметно отличающую их от сочетаний типа *дать слово, сделать замечание*, не имеющих такой окраски.

Экспрессивная окраска ФС этого типа особенно хорошо замет-

на при сопоставлении их со словами-идентификаторами: *бросить упрек* — упрекнуть, *кормить обещаниями* — обещать, *плести интригу* — интриговать и т. д. Так, ФС *бросить упрек* в сопоставлении с глаголом «упрекнуть» обнаруживает, что в нем, кроме обозначения самого действия, есть еще указание на характер этого действия.

Отличительной чертой этих ФС, видимо, также связанной с семантической неполноценностью глагольных компонентов, оказывается совмещение в рамках одного фразеологического гнезда именных (переменных) членов с положительной и отрицательной окраской: *испытывать горе, огорчение, неудобства* и *испытывать радость; пылать гневом, негодованием* и *пылать любовью, страстью*.

Именные компоненты у ФС этого типа имеют, как правило, отвлеченное значение; в них встречаются синонимичные пары глаголов при одном и том же имени существительном: *кинуть взгляд* — *бросить взгляд* (ср. те же отношения у глаголов в свободных значениях: *кинуть камень* — *бросить камень*).

ФС типа *сморозить чушь* также включают в свой состав глагол, не встречающийся в свободных словосочетаниях: *сморозить чушь* (вздор, чепуху, ерунду, глупость), *разинуть рот* (пасть, клюв) *воздеть руки, расквасить нос* (колени), *взвинтить нервы, выместить обиду* (зло, злобу, злость, досаду), *утолить жажду* (голод, аппетит), *отвратить беду* (несчастье, опасность), *уменьшать достоинство* (авторитет, роль, значение), *обострить отношения, попирать законы* (права) и др.

Особенность лексем глагольных компонентов в этих образованиях создается обычно за счет приставок, как и у ФС типа *одержать победу*. Именно приставки создают необычность звукового комплекса данного глагола и отличают от сходных, однокорневых глаголов, употребляющихся свободно, ср.: *расквасить нос* — *квасить капусту*, *обострить положение* — *наострить нож* и т. д. Среди глагольных компонентов этих образований есть такие, которые как будто сохранили значение корня этимологически родственного глагола, но за счет приставки этот глагол приобретает специфическое значение. Так, глагол «отрастить» (живот) включает корень с тем же значением, что и глагол «растить» (дерево). Иное отношение обнаруживается у корней глаголов «расквасить» (нос) — «квасить» (капусту), «обострить» (отношения) — «острить» (нож). Здесь ощущается перенос значения.

Наконец, некоторые корни глаголов этих фразем нужно рассматривать как омонимичные по отношению к корням родственных глаголов свободного употребления: *попирать права* — *запирать двери*, *сморозить вздор* — *заморозить фрукты*, *взвинтить нервы* — *ввинтить кольцо*. Некоторые ФС, относимые к этому разряду, обладают конкретным значением, но одновременно употребляются с переносными отвлеченными значениями, подобно ФС типа *скалить*

зубы. Так, ФС *разинуть рот* имеет значение «широко раскрыть рот»: ... *водovorот шляпок, вытаращенных глаз, разинутых ртов, красных, веселых, рассерженных лиц устремляется во внутрь*. А. Толстой. Гиперболюид инженера Гарина. *Итак, Михаил и Мери, зайдя в «Леший» и усевшись на тридцатикопеечные места, разинули рты и перестали дышать, когда озарившийся экран увлек их головокружительным оборотом на улицы Парижа*. А. Толстой. Случай на Бассейновой улице.

Однако в последнем примере уже замечается, что это ФС означает не просто «раскрыть рот», но одновременно как бы указывает на причину этого. Раскрыть (разинуть) рот человек может в различных случаях: при удивлении, при усиленном внимании и т. д. Это и отражается в различных употреблениях ФС *разинуть рот*: *Шукин разинул рот от изумления и испуга*. А. Чехов. Неудача. ... он [Герасим] *опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения своего загадочного положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок*. И. Тургенев. Муму. *Вообще, пожалуйста, насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сию у вас в театре разинув рот*. А. Чехов. Письмо К. С. Алексею [Станиславскому] от 10 ноября 1903 г. *Однако это не помешало слушателям сидеть разинув рты и глядеть на ученого почти с благоговением*. А. Чехов. Цветы за-поздалые. *Привыкай. Вот, брат, и кончается твоя одинокая жизнь. Учти мне тебя нечему, вы теперь, молодые, учнее нас. Да ты разинь рот-то, поговори со мной*. В. Розов. В день свадьбы. *Я не успевал рта разинуть, да и что я мог сказать*. А. Чехов. Сильные ощущения.

Любопытно, что в русском языке есть слово «ротозейство», соотносимое с переносным употреблением ФС *разинуть рот* в значении «рассеянность, невнимательность», а такое значение у ФС *разинуть рот* встречается нередко: *При переходе через улицу на Аггея налетел рысак, и велосипедист затрепал над ухом. Аггей неловко побежал.— Не разевайте рот! — крикнул Синицын*. А. Толстой. Мечтатель.

С этим же значением связаны слова «разиня», «ротозей», а также ФЕ с неразложимым значением *ловить раззяв*.

Сочетаемость глаголов с конкретными значениями, входящими в состав ФС, не расширяется, а, наоборот, сужается. Так, сочетаемость глагола «разевать» в современном русском языке гораздо уже той, которая показана в словаре В. И. Даля. Сочетаемость фразеологически связанных глаголов с отвлеченным значением в ряде случаев расширяется.

Наблюдение над теми типами ФС, в которых есть лексическая детерминация, позволяет сделать вывод: не только несвободное

значение стержневого члена способствует устойчивости и воспроизводимости, но и характер лексем таких ФС.

ФС типа *сорвать зло*. Это весьма многочисленная группа образований: *будить мысль, вырвать инициативу, ворошить старое* (прошрое), *вынести впечатления, держать пари, заострить внимание, затронуть интересы* (честь, самолюбие), *играть свадьбу, истощить терпение, молоть вздор* (чепуху, ерунду, чушь), *набирать высоту* (скорость), *пачкать репутацию* (имя, биографию), *оторвать взгляд* (взор, глаза), *очистить совесть, обложить налогом, осветить положение* (вопрос, обстановку), *принять вид* (позу, положение), *поставить рекорд, портить отношения, порвать связи* (отношения), *раздувать вражду* (ссору), *набивать цену, приковывать внимание* (взгляд, взор), *резать правду, резать слух* (ухо, глаз), *расшатать здоровье, ронять достоинство* (авторитет), *сорвать зло* (злобу, обиду, сердце) *спустить план* (указания, директивы), *смыть позор* (оскорбление, обиду), *сорвать аплодисменты* (поцелуй), *скрестить взгляды, терять терпение* (выдержку, самообладание), *терзать слух* (ухо), *тянуть время, убить время, хлебнуть горя, черпать сведения* и др.

Эти образования двuverшинны, поскольку не допускают замены всего образования одним словом, общее значение в них определяется значением двух компонентов.

К этому же типу следует отнести предложные образования *теряться в догадках, сгорать со стыда, запасть в душу* и т. п.

Глагольные компоненты в этих ФС имеют обычно отвлеченное и переносное значение, поскольку они соотносятся с этими же глаголами в прямых значениях: *сорвать аплодисменты* — *сорвать цветок*, *хлебнуть горя* — *хлебнуть воды* и т. д.

Именные компоненты в составе этих ФЕ также выступают с отвлеченными значениями, даже в тех случаях, когда существительное в своем основном значении обозначает конкретное явление. Ср.: *тронуть ухо* — *резать ухо* (т. е. слух), *глаза ребенка* — *оторвать глаза* (т. е. взгляд).

1. Грамматические связи и грамматические отношения
между компонентами субстантивно-глагольных ФС

По грамматическим признакам субстантивно-глагольные ФС на первый взгляд как будто ничем не отличаются от соответствующих свободных словосочетаний. Как было показано выше, грамматические типы этих образований в основном повторяют соответствующие типы свободных словосочетаний. Однако существуют серьезные разногласия среди фразеологов по поводу характера внутренних отношений между компонентами на синтаксическом уровне.

Различная степень ослабления синтаксических отношений между компонентами ФЕ разных типов отмечалась уже не раз. В. В. Виноградов указывал на «сохранение грамматических отношений между членами фразеологических сращений» [3, стр. 24—25], хотя и оговаривал, что это «лишь пережиток прошлого». Н. Н. Амосова подтверждала это положение: «Синтаксические показатели внутренней раздельнооформленности фразеологических единиц — это реально проявляющиеся синтаксические отношения между их компонентами» [6, стр. 158].

Для изучения характера синтаксических отношений между компонентами ФС представляет интерес замечание Н. Н. Амосовой: «...реальных признаков «омертвения» синтаксических отношений между компонентами подвижных фразеологизмов фактически нет. Зато имеется ряд показателей их «живости». Показатели эти следующие: синтаксическая обратимость фразеологических единиц, самостоятельная синтаксическая связь одного из их членов с переменным компонентом, способность к подстановке слова-заместителя вместо одного из компонентов» [6, стр. 163—164].

В приведенном высказывании удачно сформулированы основные показатели синтаксических отношений между компонентами словосочетаний разных типов. ФС субстантивно-глагольного типа с этих позиций не подвергались изучению, поэтому представляется

полезным проверить их способность к синтаксическому преобразованию, понимая под этим такую перестройку ФС, при которой изменение синтаксических отношений между компонентами не нарушает отнесенности одного компонента к другому, не изменяет лексического значения членов. Возможность подстановки слова, т. е. субституция, уже рассматривалась ранее [см. I главу II части].

Поскольку наиболее отчетливо возможность преобразований проявляется у свободных словосочетаний, целесообразно проводить анализ ФС в сопоставлении в ними.

Прежде всего попытаемся определить, какие отношения между членами свободных словосочетаний данной грамматической структуры наблюдаются и у ФС. Ограничимся пока моделью «прямо-переходный глагол + существительное в винительном падеже без предлога» как самой продуктивной моделью для ФС. Кстати, многочисленность ФС этого типа объясняется, видимо, тем, что такая структура устойчива сама по себе, т. е. прямопереходный глагол обычно требует присутствия постоянного спутника — прямого дополнения.

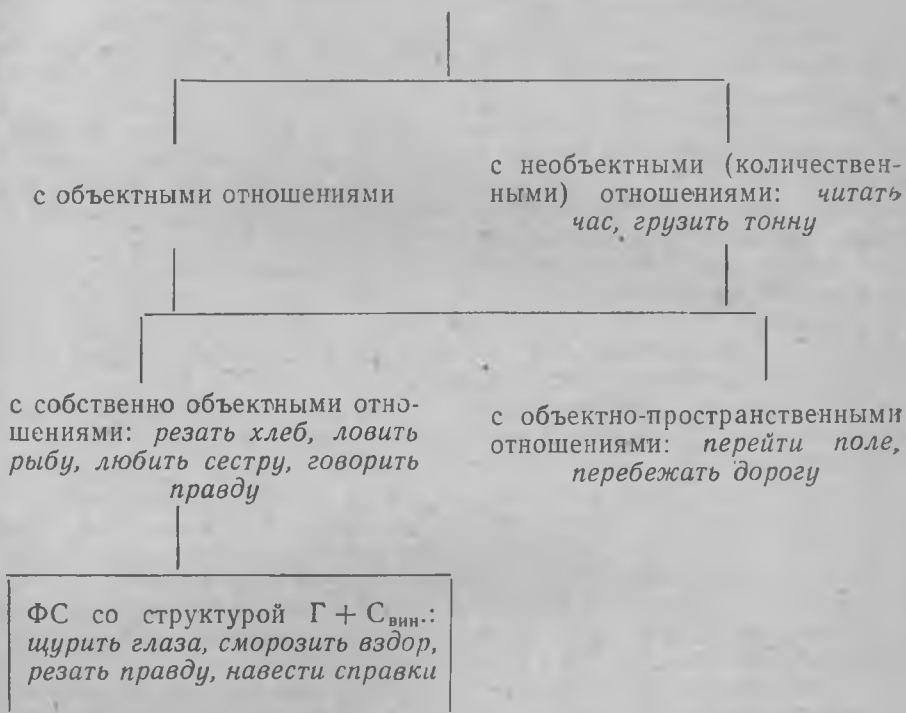
Словосочетания типа $\Gamma + C_{\text{вин}}$ составляют в русском языке два основных разряда: разряд словосочетаний с объектными отношениями и разряд словосочетаний с количественными отношениями. Разграничение этих разрядов может опираться на формальные показатели: словосочетания с количественными отношениями между членами допускают трансформацию: *читать час — читать часами, грузить тонну — грузить тоннами*, т. е. $\Gamma + C_{\text{вин}}$ переходит в $\Gamma + C_{\text{тв}}$; словосочетания с объектными отношениями такой трансформации не допускают.

ФС исследуемого типа не допускают такой трансформации, они не имеют количественных отношений между членами.

В рамках словосочетаний с объектными отношениями между членами различаются собственно объектные отношения и объектно-пространственные отношения (типа *перейти поле, перейти дорогу, перебежать улицу* и т. п.). У последних грамматически господствующим членом выступает обычно глагол движения, а все словосочетание легко трансформируется в предложное словосочетание с предлогом пространственного, локального значения: *перейти поле — перейти через поле, перебежать дорогу — перебежать через дорогу*.

ФС с объектно-пространственными отношениями не обнаружено. Таким образом, ФС типа $\Gamma + C_{\text{вин}}$ соотносятся со свободными словосочетаниями, имеющими только собственно объектные отношения. В общем виде система словосочетаний типа $\Gamma + C_{\text{вин}}$ по характеру синтаксических отношений между компонентами может быть представлена схемой, основанной на дихотомическом членении.

Словосочетания русского языка типа Г + С_{вин}

Но и словосочетания, имеющие собственно объективные отношения между компонентами, также различаются между собой. Можно выделить отношения, имеющие характер «конкретно физического действия», переходящего на материальный объект, и отношения, не имеющие характер «конкретно физического действия», переходящего на материальный объект, ср.: *ловить рыбу, читать газету* и *говорить правду, помнить зло* [см.: 58, стр. 114].

С первой группой оказываются соотносительными ФС типа *потупить голову, щурить глаза, скалить зубы*, т. е. образования, состоящие из конкретного глагола и конкретного существительного.

Вторая группа словосочетаний, в которых нет отношений конкретно физического действия, переходящего на материальный объект, содержит три подгруппы:

а) словосочетания из неконкретного глагола, обозначающего действие, переходящее на материальный объект: *любить отца, жалеть сестру*;

б) словосочетания из конкретного глагола, обозначающего дей-

стве, переходящее на нематериальный объект: *описать победу, написать жалобу*;

в) словосочетания из неконкретного глагола, обозначающего действие, переходящее на нематериальный объект: *помнить обиду, чувствовать зло*.

ФС типа Г + С =_н, которые характеризуются собственно объектными отношениями, соотносительны преимущественно со словосочетаниями третьей подгруппы. Именно из этой подгруппы свободных словосочетаний идет пополнение категории фразеологических сочетаний русского языка.

Таким образом, для отношений между компонентами ФС характерны собственно объектные отношения при неконкретном значении компонентов, хотя для объектных отношений между членами свободных словосочетаний как раз наиболее типично конкретное значение составляющих компонентов.

В свободных словосочетаниях с «собственно объектными отношениями» и глагольный, и именной член самостоятельны в семантическом плане, а наличие объектных отношений между членами обнаруживается вполне определенно. Такие словосочетания допускают ряд морфолого-синтаксических преобразований, из которых наиболее важными в данном случае представляются следующие:

1) преобразования, при которых объектные отношения в действительном обороте заменяются атрибутивными отношениями со страдательным значением: *сорвал ветку — сорванная ветка, читает газету — читаемая газета* (прочитанная газета);

2) преобразования, при которых объектные отношения действительного залога заменяются предикативными в страдательном обороте: *(он) читает газету — газета читается (им), (он) сорвал ветку — ветка сорвана (им)*.

Большинство ФС исследуемого типа допускают преобразования, при которых активно-объектные отношения заменяются пассивно-атрибутивными: *прищурить глаза — прищуренные глаза, нахмурить брови — нахмуренные брови, вырвать признание — вырванное признание* и т. д., например: *Кузьмин поглядел на него из-под нахмуренных бровей и пожал плечами*. Л. Никулин. Московские зори. *Он оглядел койки, прищуренные глаза его остановились на Ольге Владимировне*. А. Толстой. Гадюка. *Мгновенно раздвигаются стеклянные двери... «О-о-о-о», — проносится вздох, и водоворот шляпок, вытаращенных глаз... устремляется во внутрь*. А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. *Покрытая лохмотьями, страшно худая, с черным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она [Акулина] по целым часам на дороге...* И. Тургенев. Бежин луг. *Домой я приходил обыкновенно с расквашенным носом, рассеченными губами и синяками на лице*. М. Горький. Детство. *Он видел и княгиню..., и старого князя, гуляющего по зале*

с нахмуренным лицом. Л. Толстой. Анна Каренина. Это было лицо Левина с насупленными бровями и мрачно-уныло смотрящими из-под них добрыми глазами. Л. Толстой. Анна Каренина.

Заметим, что это преобразование допускают прежде всего ФС, имеющие конкретное значение, в составе которых именные члены обозначают конкретные предметы. Однако и ФС с отвлеченными значениями могут допускать такое преобразование: *убить время — убитое время, одержать победу — одержанная победа, оправдать надежды — оправданные надежды, навести справки — наведенные справки, выместить обиду — вымещенная обида, вырвать признание — вырванное признание* и т. д.

Однако не все ФС допускают такую трансформацию. Не допускают ее, например, ФС *вымотать нервы, сморозить вздор, сорвать зло, отшибить память, валять дурака, нести чепуху*; не допускают этой трансформации ФС, в составе которых глагол реализует только форму несовершенного вида: *резать глаз, резать правду, подавать надежды* и др.

Гораздо значительнее в количественном отношении обнаруживаются ограничения в возможности преобразования типа *Он — режет* (нарезал) *хлеб — Хлеб режется* (нарезан) *им*, т. е. замена действительного оборота страдательным, замена активных отношений пассивно-предикативными. Большинство исследованных ФС данного типа не допускает таких преобразований. Хотя и это положение не является абсолютным, например: *Но намерение мое было твердо принято. А. Пушкин. Капитанская дочка. Отношения наши были испорчены. Н. Телешов. Записки писателя.*

К этому типу преобразований примыкают и такие, когда ФС распределяется между главным и придаточным предложением, т. е. типа *навести порядок — порядок, который наведен* (навели): *На другой день, вернувшись с работы, я был поражен идеальным порядком, который ты навела в квартире. Ю. Пиляр. Последняя электричка.*

В речевой практике, однако, эта возможность, даже когда она теоретически возможна, реализуется довольно редко.

Все рассмотренные трансформации вообще нехарактерны для ФЕ с общим неразложимым значением, кроме тех случаев, когда они специально обыгрываются автором, т. е. когда с ними поступают как со свободными словосочетаниями.

Наряду с преобразованиями, которые допускают свободные словосочетания, нужно вновь указать на невозможность замены свободного словосочетания одним словом без утраты значения, что допускают очень многие ФЕ. Правда, определенная часть свободных словосочетаний допускает такую замену (*заниматься лепкой — лепить, проявить боязнь — побояться*), но, во-первых, в таких сло-

в сочетаниях глагол обычно не имеет семантической самостоятельности и приближается к вспомогательному глаголу-связке, во-вторых, замена таких словосочетаний одним словом меняет синтаксической строй предложения.

Изучение двух положений из числа трех намеченных дает возможность сделать вывод о том, что ФС с точки зрения внутренних синтаксических отношений обнаруживают определенное сходство со свободными словосочетаниями, поэтому нельзя утверждать полное отсутствие синтаксических отношений между компонентами ФС, хотя заметная редукция этих отношений отличает ФС от свободных словосочетаний.

Теперь следует рассмотреть внешние связи компонентов ФС, способность компонентов ФС к самостоятельной связи с другими словами в рамках предложения.

Для свободных словосочетаний типа $G + C_{\text{вин}}$ характерны следующие возможности распространения словосочетаний за счет самостоятельной дополнительной связи его членов с другими словами в предложении:

1) именной член может самостоятельно сочетаться с определением (согласование): *резать хлеб — резать свежий хлеб*;

2) именной член может иметь при себе зависимое слово (управление): *читать книгу — читать книгу брата*;

3) глагольный член может иметь при себе дополнительное слово (или слова), которое не связано с именным членом простого словосочетания [59, стр. 69—70]: *вносить корзину — вносить корзину в комнату* (ср. невозможность словосочетания «корзину в комнату»);

4) глагольный член может иметь при себе дополнительный именной член, который будет связан с основным членом сочинительной связью: *резать хлеб — резать хлеб и колбасу*;

5) именной член словосочетания может управляться не только данным глаголом словосочетания, но одновременно и другим глаголом, который выступает при этом в сочинительной связи с первым глаголом: *читать книгу — читать и конспектировать книгу*.

Теперь проверим, допускают ли компоненты ФС такие связи.

Именной член ФС рассматриваемого типа обычно свободно допускает включение определяющего его прилагательного, причастия или местоимения: *На нее [Ниночку] родители возлагали большие надежды*. А. Куприн. Молох. *Я вполне резонно считал, что ей [Татьяне] уже пора привыкать к научной работе, ибо она подает некоторые надежды*. В. Липатов. Чужой. *Появление Везна произвело сильное впечатление на продавщиц из магазина спортивных товаров*. А. Рыбаков. Каникулы Кроша. *В течение всей дороги Касьян сохранял упорное молчание и на все мои вопросы отвечал отрывисто и нехотя*. И. Тургенев. Касьян с Красивой Мечи. *Ты ведь этого ничего не*

знаешь, ты не интересовалась, кто навел такой блеск в квартире. Ю. Пиляр. Последняя электричка. Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом. В. Короленко. Дети подземелья. Посреди большого города Билось озеро в огнях И будило мысли гордые, И рождало жар в сердцах. И. Кобзев. Озеро возвращенного Меча.

Однако такая возможность обычно используется преимущественно в художественной литературе, в обиходной речи чаще всего ФС употребляются без дополнительных определений к именованному члену.

Надо отметить, что употребление ФС типа *скалить зубы* и *разинуть рот* с дополнительным глобальным значением исключает возможность употребления определения к именованному члену (например, в сочетании *таращить глаза* со значением «удивляться») нельзя ввести определение, ибо сам факт введения определения свидетельствует о том, что ФС употребляется в «прямом» значении «широко раскрывать глаза».

Приведенным случаем, по сути дела, исчерпывается возможность компонентов ФС вступать в дополнительные связи с другими словами в предложении. Так, глагол ФС управляет обычно лишь одним именованным членом, не говорят «он сорвал зло и еще что-то», «он режет правду и еще что-то». Это ограничение накладывается семантическими факторами: переменные члены ФС принадлежат обычно к одной семантической сфере, очень часто они выступают в отношении друг друга как синонимы. Интересно в этой связи указание на стилистические ошибки, связанные с приведенным положением, у В. А. Мамонова и Д. Э. Розенталя: «Иногда ошибка вызвана лексической несочетаемостью одного из однородных членов с тем словом предложения, с которым связаны однородные члены. Например: *Чувство Вакулы должно было пройти через все испытания, равнодушие и капризы* [Оксаны]; (нельзя: *пройти через равнодушие и капризы*); *Много критических замечаний и ценных предложений было внесено в ходе обсуждения вопроса* (нельзя: *внести замечания*)» [60, стр. 138].

Особенности семантической структуры ФС не позволяют включать в их состав дополнительный глагол, который управлял бы этим же именованным членом. Отдельные исключения, встречающиеся у писателей, только подчеркивают правильность приведенного положения. Например, тавтологичность глаголов обнаруживается в такой строке у Есенина: *Я на всю эту ржавую мреть буду щурить глаза и суживать*.

Однако всё ФС может быть связано с другим глаголом сочинительной связью, что лишний раз подчеркивает его определенную семантическую и синтаксическую целостность: *Он потерпел аварию и погиб; Он сорвал зло и успокоился*.

Таким образом, субстантивно — глагольные ФС являются пределом реализации фразеологически связанного глагола, точнее, пределом реализации собственно глагольных связей. В тех же случаях, когда формально грамматическая связь как будто обнаруживается между глаголом и включаемыми членами, не входящими в состав ФС, нужно говорить об отношении включаемого члена ко всему ФС в целом. Так, в предложении *Он [Незвезцкий] шагает по кабинету, резко поворачиваясь у стенки, и бросает взгляды на Палина* [С. Ласкин. Боль других] включенный член «на Палина» относится ко всему ФС *бросает взгляды* (ср. невозможность «бросает на Палина» при условии сохранения фразеологически связанного значения глагола).

Собственные связи глагола с фразеологически связанным значением строго ограничиваются пределами фразеологического сочетания (или фразеологических сочетаний, образующих фразеологическое гнездо). Обычно глагол с фразеологически связанным значением управляет только одной формой существительного, хотя этот же глагол со свободным, фразеологически не связанным значением, может иметь несколько различных форм управления.

Рассматривая характер глагольного управления в различных типах субстантивно-глагольных словосочетаний (в том числе и свободных), можно выделить три типа отношений между грамматически господствующим глаголом и зависимым (управляемым) существительным.

Прежде всего различаются отношения, при которых глагол предполагает обязательное присутствие зависимого существительного в падежной форме (детерминация). Зависимое существительное при этом может находиться либо в одной определенной форме: *втирать очки, кормить обещаниями*, либо в одной из нескольких определенных форм (избирательная детерминация): *вертеть тростью, вертеть трость*

Кроме этого, между членами словосочетания типа Г + С_{вин} могут быть отношения, при которых глагол допускает присутствие зависимого существительного в падежной форме, но может употребляться и без него, реализуя свое данное значение (индетерминация) [см. 61].

Для глаголов в составе свободных словосочетаний характерны отношения индетерминации или избирательной детерминации. Последнее оказывается обязательным для переходных глаголов, они могут управлять основным для них винительным падежом, но одновременно совмещать и управление другими падежами: *носить воду ведрами*.

Глаголы, входящие в состав ФЕ, как отметила З. В. Валюсинская, «всегда что-то изменяют в своем управлении» [62, стр. 42]. Это изменение в управлении глагола связано с изменением характера значения этого глагола. Изменения происходят прежде все-

то в сторону сужения управляемости. Отношения между компонентами ФС рассматриваемого типа являются отношениями детерминации, причем узко направленной, а не избирательной.

Сопоставление ФС со свободными словосочетаниями, включающими тот же глагол (хотя и в другом значении), показывает, что в составе ФС глаголы не допускают так называемого «слабого» управления (ср. *прожигать жизнь — прожигать рубашку папиросой*).

Управление глагола с фразеологически связанным значением чаще всего совпадает с одной из форм управления, присущей этому же глаголу со свободным значением (ср. *сорвать ветку — сорвать зло, водить ребенка — водить дружбу, ворошить белье — ворошить прошлое, тянуть лодку — тянуть время* и т. д.). Однако, если для глагола со свободным значением это управление чаще всего одно из возможных, то для глагола с фразеологически связанным значением такое управление единственное и обязательное.

Вместе с тем не всегда управление глагола с фразеологически связанным значением совпадает с основным управлением этого же глагола со свободным значением: оно может совпадать с одним из дополнительных управлений глагола со свободным значением (*покривить каблук — покривить душой, потряхнуть дерево — потряхнуть стариной, разводиться кроликов — разводиться руками*).

Подводя итог анализу внутренних синтаксических отношений между компонентами ФС типа Г + С, можно сделать некоторые выводы.

Между компонентами ФС обнаруживаются синтаксические отношения, хотя эти отношения полностью и не соответствуют синтаксическим отношениям между членами свободных словосочетаний данного грамматического типа. Редукция синтаксических отношений у ФС менее заметна, чем у ФЕ с общим неразложимым значением.

Управление глагола в составе ФС совпадает обычно с одной из форм управления этого же глагола, выступающего в словосочетаниях свободных со свободным значением. Для глагола с фразеологически связанным значением является обязательным «сильное» управление, причем ФС оказывается пределом реализации собственно глагольных связей.

2. Внешние грамматические связи субстантивно-глагольных ФС

Выше рассматривались синтаксические отношения и синтаксические связи в пределах ФС. Значительный интерес представляют также внешние связи ФС, внешнее окружение фразем исследуемого типа. Как показывают последние исследования по фразеологии, ФЕ обнаруживают особенности и в этом направлении [63].

Для анализа окружения различаются связь ФС с членом предложения, от которого зависит форма ФС, и связь с дополнительными членами, которые управляются самим ФС.

Субстантивно-глагольные ФС типа Г + С в предложении выступают чаще всего в функции сказуемого [см.: 64. стр. 67; 65, §74]. Для функционирования в этой роли они, естественно, требуют подлежащего. Подлежащими в этом случае обычно выступают существительные, обозначающие одушевленный предмет, лицо, или местоимения, указывающие на одушевленный предмет. Кроме такой связи «слева», фразеологические сочетания исследуемого типа могут иметь и связь «справа», т. е. вступать в такие отношения с окружением, при которых всё ФС выступает в качестве грамматически господствующего члена, а слово, с которым оно связано, зависит от него в целом.

Основное внимание при определении характера внешних синтаксических связей ФС обращается на управление, присущее как для ФС этой структуры в целом, так и для каждого из его членов, если рассматривать их как части речи. Однако само понятие управления, как известно, нуждается в уточнении [см.: 59, стр. 158 и далее]. Поэтому, не вдаваясь в детали проблемы управления, при определении внешних связей ФС рассматриваются как «сильное» управление, так и «слабое», т. е. те виды подчинительной связи, которые не являются ни согласованием, ни примыканием в собственном понимании этого термина.

При определении внешних связей ФС различаются связи обязательные и факультативные. Это разграничение вызывает известную трудность. Проф. Н. Н. Прокопович, рассматривая связи свободных словосочетаний, замечает: «Между моделями, типичными в этом отношении и потому названными полярными, располагаются немало моделей, в которых степень необходимости в зависимом компоненте может быть различной, выступать недостаточно ярко. Границы между обязательным и факультативным распространением слов в ряде случаев оказываются поэтому зыбкими, подвижными [59, стр. 155]. И все-таки различение обязательных и факультативных связей при изучении ФЕ очень важно. Например, ФС *ответи глаза* отличается от ФЕ с общим неразложимым значением *ответи глаза* (кому-нибудь) обязательностью дополнительных связей последнего.

Кроме обязательной синтаксической связи ФС с подлежащим, для ФС типа Г + С могут быть обязательными дополнительные связи «справа», т. е. связи с зависимыми членами. При этом можно выделить два вида такой обязательной синтаксической связи: либо обязательным является присутствие одного дополнительного члена, либо двух или нескольких членов.

Так, обязательного распространения одним дополнительным членом требует ФС *окинуть взглядом* (взором, глазами):... *Анна*

окинула взглядом залу и подумала: «Ах, как хорошо!» А. П. Чехов. Анна на шее. *Роллинг окинул взглядом дебри неизведанного.* А. Толстой. *Гиперболоид инженера Гарина.* *Старушка окинула его глазами.* А. Толстой. *Гиперболоид инженера Гарина.*

Не требуют такого обязательного распространения ФС *скорчить рожу, вытаращить глаза, одержать верх* и др., что, однако, не исключает возможности присутствия таких дополнительных членов у этих ФС, например: *(кафры) одержали верх в стычке.* И. Гончаров. *Фрегат «Паллада».*

Таким образом, дополнительные связи «справа» у ФС данного типа могут быть обязательными и факультативными. Обязательные связи выражаются в том, что ФС требует для своей реализации обязательного присутствия дополнительного члена, которым чаще всего бывает существительное или местоимение в одном из косвенных падежей с предлогом или без предлога.

Внешняя связь ФС с дополнительным членом лексического окружения превращает все сочетание в слбжное. Поскольку анализ внешних связей фразеологических сочетаний проводится в сопоставлении со свободными, следует рассмотреть основные структурные типы свободных словосочетаний, имеющих три знаменательных члена. Таких типов выделяется три [см.: 59, стр. 65—71].

Первый тип трехчленных свободных словосочетаний представляет собой структуру, в которой глагол, являясь грамматически господствующим, управляет двумя (а может и более) зависимыми членами, не образующими самостоятельное словосочетание: *резать хлеб ножом, закутать ребенка в платок, жаловаться матери на брата.*

Второй тип трехчленных глагольных словосочетаний составляют такие, у которых глагол управляет двумя именными членами, составляющими простое словосочетание: *спросить о здоровье друга, сжать руку друга* (сюда же относятся и словосочетания типа «идти мелкими шажками», однако нас в данном случае интересуют только связи, основанные на управлении).

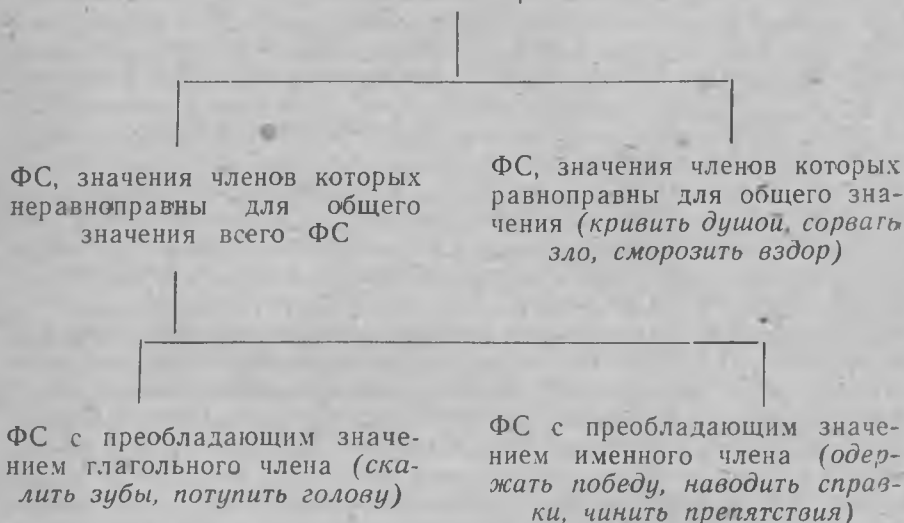
Третий тип составляют словосочетания, в которых глагол с одним из именных членов образует простое словосочетание, а третий член относится ко всему этому простому словосочетанию: *спасти жизнь другу, сжать руку другу, посмотреть человеку в глаза* [см.: 58, стр. 130].

Для ФС характерным оказывается только третий тип. Внешние связи ФС являются распространением всего ФС, хотя формально некоторые виды ФС с дополнительными членами могут быть отнесены ко второму типу. При определении управления, как известно, важную роль играет семантический фактор, на что обращали внимание акад. Л. В. Щерба, проф. А. Н. Гвоздев и другие языковеды. А. Н. Гвоздев пишет: «Управление противоположно согласованию

в том отношении, что здесь форма подчиненного слова определяется не формой подчиняющего слова, а его лексическим значением и некоторыми свойственными ему категориями, а также значением всего данного словосочетания» [65, стр. 32].

Для анализа внешних связей ФС оказывается необходимым обращать внимание на то, какую роль играет каждый из компонентов для общего значения ФС. Поэтому внешние грамматические связи рассматриваются отдельно у каждого из следующих выделяемых для этой цели типов ФС:

ФС типа Г + С

Для ФС типа *скалить зубы, потупить голову* характерно отсутствие обязательной внешней связи с дополнительными словами, при которой само ФС являлось бы грамматически господствующим членом. В ряде случаев такая связь просто не допускается, например: *он потупил голову, он насупил брови*. В других случаях внешние связи допустимы, но факультативны: — *Зачем ты уголок отшиб?* — кричит Сережа и злобно таращит на него глаза. А. Чехов. *Художество*. *Яков сидел неудобно, согнувшись, и щурил глаза от ветра*. А. Чехов. *Убийство*.

Семантическим центром у этих ФС являются глагольные члены. Именные члены совершенно определенно предсказываются высокой степенью энтропии, в силу чего они не несут значительной информации и играют второстепенную роль. Глаголы этих образований не могут выступать в составе свободных словосочетаний, но существительные, употребляющиеся в них, могут свободно управлять

другими существительными: *голова человека, лоб Петра, зубы волка* и т. д. В составе же ФС данного типа они теряют эту способность, что можно объяснить как тесной связью именного члена с фразеологически связанным тавтолом, так и значительной утратой семантической роли в составе фраземы.

В тех случаях, когда ФС допускает факультативную связь с дополнительным членом, форма управления ФС не совпадает с формой именного члена, выступающего в свободных словосочетаниях.

Одновременно нужно отметить, что управление со стороны ФС, когда допустима факультативная связь, совпадает с управлением соотносительного с фразеологическим сочетанием слова-идентификатора: *щурить глаза от ветра* — щуриться от ветра, *таращить глаза на него* — таращиться на него.

Таким образом, внешние грамматические связи у ФС первого типа (типа *скалить зубы, потупить голову*) не являются обязательными или вовсе не допускаются, а ослабление семантической роли именного члена способствует замкнутости всего образования.

Для ФС второй группы (типа *одержать победу, навести справки*), у которых ведущая семантическая роль принадлежит именным членам, наличие внешних обязательных связей «справа» оказывается характерным признаком. Рассмотрим некоторые особенности управления у фразем этой группы.

Выступая в речи в качестве грамматически господствующего члена, ФС этого типа могут управлять дополнительным переменным членом, образуя более сложные словосочетания.

подавляющее большинство ФС этого типа обнаруживает такое управление, которое совпадает с одной из форм управления именных компонентов этих фразем, когда они выступают в составе свободных словосочетаний, и с управлением слов-идентификаторов. Для ФС этого типа такое совпадение свойственно и в отношении именного компонента, и в отношении слова-идентификатора:

1. *Бросить взгляд на площадь* — взгляд на площадь, взглянуть на площадь, *питать надежду на успех* — надежда на успех, надеяться на успех, *возлагать надежду на врача* — надежда на врача, надеяться на врача; или *возводить подозрения на кассира* — подозрения на кассира, подозревать кассира, *наложить запрет на охоту* — запрет на охоту, запретить охоту.

2. *Завести знакомство с летчиками* — знакомство с летчиками, *держать ответ перед народом* — ответ перед народом, отвечать перед народом, *нести ответственность перед товарищами* — ответственность перед товарищами.

3. *Наводить справки о брате* — справка о брате, справиться о брате, *испытывать нужду в деньгах* — нужда в деньгах, нуждаться в деньгах, *лелеять мечту об отдыхе* — мечта об отдыхе, мечтать об отдыхе.

Другие ФС имеют такое внешнее управление, которое совпадает

с управлением именного члена этих словосочетаний, выступающего в составе свободных словосочетаний, но не совпадает с управлением слова-идентификатора.

4. *Воспылать любовью к отцу* — любовь к отцу, но: полюбить отца.

5. *Пробудить интерес к предмету* — интерес к предмету, но: заинтересовать предметом, *положить конец прогулам* — конец прогулам, но: покончить с прогулами.

Наконец, среди ФС этого типа есть и такие, внешнее управление которых совпадает с управлением слова-идентификатора, но не совпадает с управлением именного члена. Это обусловлено способностью ФС управлять дополнительным членом в винительном падеже без предлога, что не свойственно именам существительным. Управление винительным падежом без предлога соотносится в этих случаях с управлением родительным падежом или винительным с предлогом, не нарушая в принципе объектных отношений.

6. *Окинуть взглядом площадь* — взгляд на площадь, оглядеть площадь.

7. *Предать забвению случай* — забвение случая, забыть случай.

Как видим, управление ФС второго типа обнаруживает значительное влияние именных членов этих образований, унаследовавших в свою очередь формы управления от глаголов, с которыми они этимологически связаны. Это объясняется той семантической ролью, которую играют именные члены в составе ФС данного типа.

ФС второго типа могут быть сопоставлены со свободными трехчленными словосочетаниями, которые внешне сходны с ними. Например: *бросить взгляд на крышу* — *бросить камень на крышу*, *держат ответ перед товарищами* — *держат книгу перед глазами*, *испытывать нужду в деньгах* — *испытывать трактор в поле*.

Однако сопоставляемые свободные словосочетания, у которых семантическая роль каждого члена одинакова для создания общего смысла, представляют собой такие структуры, в которых глагол управляет как первым именным членом, так и вторым, тогда как грамматическая структура ФС этого типа иная. Правда, возможны и свободные словосочетания со структурой, похожей (или тождественной) структуре ФС этого типа, но, во-первых, эта модель для свободных словосочетаний непродуктивна, во-вторых, в языке наблюдается активный процесс синтаксического переразложения подобных свободных словосочетаний, на что указывал Н. Н. Прокопович: «Явно возрастает, — писал он, — употребительность моделей, в которых как зависимый компонент при стержневом глаголе выступает субстантивированное словосочетание с зависимым существительным в форме родительного падежа. Они выступают как сильный член ряда, вытесняющий модель с зависимым существительным в дательном падеже» [59, стр. 139].

В результате такого переразложения словосочетания типа

«(сжал руку) Смагину» заменяются словосочетаниями типа «сжал (руку Смагина)».

В пределах рассматриваемого типа ФС есть и такие, которые не требуют обязательной дополнительной сочетаемости с переменными членами, например: *напрягать слух, хранить молчание, перевести дыхание* и т. п. Однако это исключение не может изменить общей оценки ФС данного типа, оно лишь подчеркивает общую тенденцию.

Наблюдения над внешней сочетаемостью ФС, в которых ведущую роль играет именной компонент, позволяют сделать некоторые выводы. Для этих ФС характерна «незамкнутость», т. е. подавляющее большинство их требует дополнительных связей со словами лексического окружения в предложении. В большинстве случаев внешнее управление таких ФС совпадает с одной из форм управления существительных этих фразем. Формально связь ФС с дополнительным переменным членом осуществляется через именной член.

Третью группу ФС составляют образования двувёршинные, в которых оба члена принимают равное участие в общем значении. ФС этого типа характеризуются «замкнутостью»: чаще всего они вообще не имеют дополнительных связей: *Поплакав, Скуперфильд несколько успокоился. Настроение его улучшилось, и он сказал себе: «Не будем, однако ж, терять надежды. Н. Носов. Незнайка на Луне. Ты думаешь, зачем народ в кино ходит? Я тебе как кинозритель скажу: время убить и на любимых артистов посмотреть. В. Розов. В день свадьбы; Он озабоченно ждал, когда гости утолят аппетит. А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. Русским языком ему говорят, что «студебеккер» в последний момент заменен «лорен-дитрихом», а он морочит голову. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Что же вам угодно? — спросил Остап, начиная терять терпение. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Все казалось мне молодым и чистым благодаря присутствию Лиды и Мисюсь, и все дышало порядочностью. А. П. Чехов. Дом с мезонином. Второй сын лейтенанта Шмидта вырвал инициативу и сам задал вопрос. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Любишь ты, отец, философию разводить. В. Розов. В день свадьбы. Я привык правду резать и... никакого черта не боюсь. А. Чехов. Юбилей. Прадед Булатовых участвовал в битве при Остроленке, в 1831 году, где польские войска потерпели поражение. Л. Никулин. Московские зори.*

Однако определенная часть ФС этой группы требует обязательных дополнительных связей: *облить презрением (кого?), обдать злобой (кого?), выместить обиду (на ком?), обагрить кровью (что?), взвинтить нервы (кому?), разбить жизнь (кому?)* и т. д.

Как и для первых двух типов, для ФС третьего типа во всех случаях, когда внешняя связь оказывается необходимой или допу-

стимой, пределом распространения собственно глагольных связей оказывается само ФС, а дальнейшее распространение осуществляется путем управления всего ФС.

Анализ всех трех типов ФС с точки зрения их внешней сочетаемости показывает, что семантическая роль членов ФС для общего значения накладывает определенный отпечаток на характер внешних связей этих образований, хотя грамматическая структура таких усложненных словосочетаний во всех случаях остается одной и той же.

ВЫВОДЫ

Фразеологические сочетания современного русского языка имеют свои отличительные признаки, позволяющие отграничивать их как от свободных словосочетаний, так и от ФЕ с общим неразложимым значением, поэтому они выделяются в особую категорию устойчивых сочетаний русского языка.

Важнейшим среди этих признаков является наличие односторонней внутренней зависимости (детерминации) между компонентами ФС, взятых как единства звуковой оболочки (лексемы) и связанного с ней в каждом случае значения (семемы). Этот признак сближает ФС и ФЕ других категорий и дает основания, наряду с другими признаками, отнести категорию ФС к фразеологии современного русского языка.

Фразеологические сочетания являются принципиально бинарными образованиями: они всегда включают в свой состав два компонента, один из которых — стержневой член — имеет фразеологически связанное значение, его сочетаемость ограничена, а употребление обусловлено определенными фразеологическими сочетаниями, другой — переменный член, имеющий фразеологически не связанное значение, и его употребление с этим же значением не обусловлено определенными контекстами.

Стержневые члены ФС характеризуются несамостоятельностью значения, т. е. они не могут выступать в речи с этим же значением без сопутствующих определенных слов с определенными значениями. Отличительной особенностью ФС оказывается то, что объединение слов в них происходит не на основе сочетаемости понятий, выраженных словами, как это наблюдается у свободных словосочетаний, а на основе сочетаемости лексических значений, которая определяется внутренними законами языка.

Тот факт, что выбор переменных членов фразеологического сочетания предопределен языковой системой и не может быть произвольным по желанию говорящего, дает основания отнести ФС к единицам языка, а не речи.

Специфический характер звуковой оболочки стержневых членов ряда ФС способствует их устойчивости и накладывает строгие

ограничения на их сочетаемость (например: *знамение времени, угрызения совести, скалить зубы* и т. п.).

Характерной особенностью ФС является их асимметричность: составляющие их компоненты всегда являются неравноправными, нерядоположными в семантическом, грамматическом, а иногда и лексическом отношении. Семантическая нерядоположность проявляется в том, что один из членов имеет фразеологически связанное, а другой фразеологически не связанное значение. Грамматическая неравноправность заключается в том, что один из членов ФС всегда является грамматически господствующим, а другой грамматически зависимым, иначе говоря, ФС всегда основаны на подчинительной связи. При этом обнаруживается такая закономерность: у ФС, основанных на управлении, стержневой член чаще всего совмещает в себе понятия фразеологически связанного и грамматически господствующего члена (*гвоздь сезона, наводить справки*), а у ФС, основанных на других видах подчинительной связи, такого совмещения обычно не обнаруживается (*мартышкин труд, слезно молить*).

По характеру общего значения и отношения к нему значений составляющих членов в пределах категории ФС выделяются более аналитичные типы с общим неглобальным значением и более синтетичные типы, в которых значения составляющих членов спаяны более тесно. Глобальность общего значения ФС подтверждается наличием в системе лексики слов-идентификаторов, соотносительных семантически с соответствующими ФС (*кривить душой* — хитрить, *потупить голову* — потупиться, *хранить молчание* — молчать).

Стержневые члены ФС могут обладать единичной или серийной сочетаемостью. На этом основании различаются единичные образования, в которых стержневые члены реализуют свою способность сочетаться всего лишь с одним словом, являющимся обязательным словом-спутником (*угрызения совести, бархатный сезон, мыкать горе*), и серийные образования, образующие фразеологические гнезда (*сорвать зло, сорвать злобу, сорвать обиду*), в которые объединяются ФС, имеющие тождественный в лексико-семантическом отношении стержневой член.

По качественной сочетаемости стержневых членов различаются фразеологические гнезда с узким инвариантным значением и фразеологические гнезда с широким инвариантным значением. Переменные члены фразеологических гнезд с узким инвариантным значением являются синонимами (*бросить взгляд, бросить взор*). Переменные члены фразеологических гнезд с широким инвариантным значением могут существенно различаться своими значениями (*гвоздь сезона, гвоздь программы*). Эти два типа фразеологических гнезд могут совмещаться, когда в составе фразеологического гнезда с широким инвариантным значением выделяется ряд ФС с одним

и тем же общим значением (*резать ухо, резать слух — резать глаза*).

Изучение отдельных грамматических типов ФС позволяет выявить их специфику, свойственные им грамматические и лексико-семантические особенности. Более детальное изучение субстантивно-глагольных ФС обнаруживает прежде всего их грамматические особенности.

Субстантивно-глагольные ФС основаны на управлении. При этом грамматически господствующий член, как правило, совпадает со стержневым членом ФС.

По грамматической структуре субстантивно-глагольные ФС могут быть как беспредложными, так и предложными. И те, и другие представлены теми же синтаксическими моделями, что и свободные словосочетания. В количественном отношении в русском языке преобладают беспредложные субстантивно-глагольные ФС.

Синтаксические отношения между членами субстантивно-глагольных ФС сохраняются, однако они заметно ослаблены по сравнению со свободными словосочетаниями той же грамматической структуры. Это выражено в тенденции к замкнутости, в ограниченной способности к преобразованиям в словосочетания с иными синтаксическими отношениями, в ограниченной возможности замены компонентов.

Внутренние синтаксические связи фразеологически связанных глаголов в составе ФС изученного грамматического типа совпадают чаще всего с одной из форм связи этих же глаголов в свободном, фразеологически не связанном значении; но если для глаголов со свободным значением такая форма связи не всегда является единственной и обязательной, то для глаголов с фразеологически связанными значениями существующая форма связи всегда оказывается не только единственной, но и обязательной. Семантическая структура ФС сказывается на характере внутренней связи глагола в их составе: ФС являются пределом распространения фразеологически связанного глагола, пределом его собственно глагольных связей, что сближает ФС с ФЕ, имеющими общее неразложимое значение и включающими в свой состав глагол, и существенно отличает ФС от свободных бинарных словосочетаний, которые могут распространяться за счет дополнительных членов или за счет дополнительных связей глагола данного словосочетания.

Внешние связи ФС субстантивно-глагольного типа в значительной мере определяются их внутренней лексико-семантической структурой. Так, ФС, в которых глагол с фразеологически связанным значением сохраняет свою семантическую полноценность, не требуют обычно дополнительных внешних связей, тогда как ФС с семантически ослабленным глаголом обычно требуют дополнительных связей. В составе ФС с семантически ослабленным глаголом внешние связи соответствуют чаще всего связям именного члена.

Характер внешнего управления ФС часто совпадает с управлением слова-идентификатора, если такое слово имеется.

Таким образом, изучение ФС русского языка показывает, что эти образования заметно отличаются от других категорий словосочетаний не только семантически, но и прагматически. Вместе с тем, поскольку ФС обнаруживает общие признаки с другими разрядами ФЕ русского языка, они должны войти в состав русской фразеологии как особый разряд устойчивых и воспроизводимых образований.

Дальнейшее изучение этого разряда фразеологических единиц представляет большой интерес не только для фразеологии и фразообразования, ибо именно в них начинаются обнаруживаться «внутренние законы» языка, ограничивающие сочетаемость слов, но и для других ярусов языка. В частности, для словообразования, где встречаются уникальные морфемы, имеющие лексически связанный характер, подобно стержневым членам фразеологических сочетаний [66]. Явление это изоморфно явлениям фразеологического уровня, поэтому изучение фразеологии, где рассматривается сочетаемость слов, безусловно, прольет свет и на сочетаемость морфем на лексическом уровне.

Последнее, однако, не дает оснований распространять понятие фразеологии на другие уровни, как это наблюдается в литературе, когда специфическая сочетаемость единиц в словообразовании или синтаксисе рассматривается как фразеология [67], а в отдельных случаях даже говорится о фразеологии на фонематическом уровне [68, стр. 14]. Фразеология есть наука об устойчивых сочетаниях слов, что достаточно четко отражено в самом ее названии.

СПИСОК

фразеологических сочетаний, приведенных в работе

ФС расположены по компонентам с фразеологически связанным значением. Если данное ФС входит во фразеологическое гнездо, то приводятся переменные члены ФС этого гнезда.

ФС, в которых фразеологически связанный член употребляется с предлогом, расположены по предлогам.

Если при указанной подаче ФС нарушается привычный порядок слов, рядом дается это же ФС с нормальным порядком слов.

Знаком * отмечены ФС, имеющие омонимы среди ФЕ с неаналитичным общим значением.

А

азбучная истина
анахоретом жить — жить анахоретом

аннибалова клятва
армейская острота

Б

бальзаковский возраст
беззубая острота (критика)
безлюдный фонд
безысходная грусть (тоска)
белугой реветь — реветь белугой
белые стихи
бередить душу (сердце, раны)
берцовая кость
бешеные деньги
бирюком смотреть — смотреть бирюком
бить рублем
битый час

благие намерения (порывы, желания)
блюдни порядок (закон)
богов пища — пища богов
бодрость духа
болезнь роста
брать реванш
бремя славы
бродячий сюжет
бросаться в глаза
бросать взгляд (взор)
бросать вызов (упрек, намек)
будить мысль (воспоминание)
буква закона

В

вавилонское столпотворение
валять дурака (дурачку)
вдаваться в подробности (в детали)
вдребезги разбиться — разбиться (разбить) вдребезги
вдрызг напиться — напиться вдрызг
взапуски бегать — бегать (носить) взапуски

взвинтить нервы
взвинтить цены
вздуать цены
взъерошить шерсть (волосы)
взять всем — всем взял
взять на заметку (на учет, на карандаш)
взять преграду (высоту, барьер)

взять реванш
висельника юмор — юмор висельника
високосный год
вкрасться в доверие
влезть в долги
вменить в обязанность (в заслугу) •
внести ясность
вогнать в краску (в пот)
водворить тишину (порядок, спокойствие)
водить дружбу
возводить поклеп (подозрение, обвинения, клевету, напраслину)
возгореться любовью (страстью, желанием, чего-то)
воздать честь (должное)
воздеть руки
возлагать надежды
возлагать ответственность (вину)
возыметь желание (намерение)
вольготная жизнь (житье)
ворошить прошлое (старое)
воспрянуть духом
воспылать гневом (ненавистью, негодованием, страстью, любовью)

власть в детство
власть в забвение
власть в уныние (в сомнение, в ересь)
вперить взор (взгляд, глаза)
впитаться глазами (взором, взглядом)
врезаться в память
вскружить голову
вспыхнуть гневом (страстью, негодованием)
вывести из терпения (из равновесия)
выжить из ума
вызвать досаду (гнев, обиду, раздражение, зlobу)
выкинуть номер (колесо, фокус, штуку, шутку)
выместить зло (зlobу, обиду, досаду)
вымотать душу (силы, нервы)
вынести благодарность
вынести впечатление
вырвать инициативу
в футляре человек — человек в футляре

Г

гасить улыбку (усмешку)
гашеная известь
гвоздь сезона (программы)
глубокая осень (ночь)
глубокая старость
глухая вражда (зlobа, ненависть, недовольство, обида)
гнетущая тоска
голос гнева (разума, сердца, времени)
голые факты (цифры)

гомерический смех (хохот)
гонять чай
гореть желанием (любовью, страстью)
городить чушь (вздор, дичь, чепуху, ерунду, ересь, ахинею)
горькая истина (правда)
горячее участие (сочувствие)
горячий прием (встреча)
гробовое молчание (тишина)

Д

дар слова (речи)
дачный муж
девичья память
дедовский способ
декретный отпуск
держат ответ
держат пари
держат равнение (шаг, ногу)
держатся взглядов (точки зрения)

дикий восторг (радость)
допотопный способ
доставить горе (огорчение, радость)
дотла сгореть — сгореть дотла
дырявая память
дышать молодостью (мужеством, отвагой, умом, смелостью, порядочностью)
дурить голову

Е

египетский труд (работа)

Ж

желтая пресса
живая очередь
животрепещущий вопрос (тема, проблема)

жидкий па расплату (на расправу):
жмурить глаза

З

завиральные идеи
заводить дружбу (знакомство)
загладить вину (грубость, ошибку, бестактность)
за глаза хватать — хватать за глаза
задать реву
задать страху
задать тон
задним числом
задняя мысль
закадычный друг (приятель)
заклятый враг
заключить в объятия
заключить в скобки
закрывать счет
залезть в долги
заливаться лаем (песней)
замаять разговор (дело)

заострить внимание
запасть в душу (в сердце, в память)
заронить любовь (сомнение, подозрение)
затаить зло (злобу, обиду)
затронуть честь (гордость, интересы, самолюбие)
захлебываться от восторга (от удовольствия)
зеленая молодежь (юнец)
зерно истины
зги не видно
значное место
злоба дня
знамение времени
золотая молодежь
золотые руки

И

играть на нервах
играть свадьбу
излить душу
ирония судьбы
испортить отношения

испустить вздох (крик, вопль)
испытывать горе (нужду, волнение, огорчение, радость)
истощить терпение
истощный крик (вопл, голос, вой)

К

кабинетный ученый
каменное лицо (выражение)
каменное сердце
кануть в прошлое
квасной патриотизм (патриот)
кинуть взор (взгляд)
контурная карта
копаться в прошлом
корень зла
кормить обещаниями
коронный номер (роль)
коротать век (ночь, зиму, время, час)
короткая память
корчить рожу (гримасу)
коротко знаком
косо смотреть — смотреть косо

кошачий подарок
крайняя цена (срок)
красная суббота
крепкая память
кривить душой
крик моды
кровная обида (вражда)
кромешная тьма (мгла)
кромешный ад
круглая сумма (цифра)
круглый дурак (идиот, сирота, отличник)
крутить любовь
крутой кипятик
купаться в роскоши
куриная грудь
куриная память
курица слепая — слепая курица

Л

ласкать слух (ухо, взор, взгляд, глаз)
 легкий на ногу (на подъем)
 лелеять мечту (надежду)
 лить аромат (благоухание)

ломать дурака (дурочку)
 ломать шапку
 лопнуть со смеха
 луковое горе — горе луковое
 львиная доля

М

малиновый звон
 мартышкин труд
 медвежья услуга
 медленный огонь
 мертвецки пьян
 мертвый капитал (груз)*
 мертвый сезон

мозолить глаза
 мокрое дело
 молоть вздор (ерунду, чепуху, чушь, глупости, ахинею)
 морочить голову
 мыкать горе
 мундира честь — честь мундира

Н

набить цену*
 набить руку (глаз)*
 набитый дурак (дура)
 набросить тень*
 набрать высоту (скорость)*
 навести критику
 навести порядок (чистоту, красоту, блеск, беспорядок)
 навести справки
 навеять грусть (тоску, печаль, воспоминания, сомнения)
 навзрыд плакать — плакать навзрыд
 наводить тоску (печаль, скуку, уныние, страх, панику)
 навести панику
 нагнуть тоску (сон, дремоту, скуку)
 на копейку ума — ума на копейку
 наложить запрет (вето, табу)
 на ножах жить — жить (быть) на ножах

наплевательское отношение
 на попа ставить — ставить на попа
 напрягать слух (глаза, зрение)
 наращивать темпы (скорость)
 насквозь видеть — видеть насквозь
 насупить брови
 натрудить руку (ноги, плечи)
 натянутые отношения
 нахмурить лоб (брови, лицо)
 наохолить перья
 недвижимое имущество
 неизгладимое впечатление
 немая карта
 нести ответственность
 нести чушь (чепуху, ерунду, вздор, околесицу, ахинею)
 несусветный вздор (глупость, чепуха, чушь)
 нищие духом
 ноль внимания
 нулевой цикл

О

обагрить кровью
 обвести взором (взглядом)
 обдать злобой (презрением)
 облегчить душу (сердце)
 облечь доверием (властью, полномочиями)
 облить презрением
 обложить налогом (пошлиной)
 обложить дождь
 обострить отношения (положение, противоречия, разногласия)
 одержать победу (верх)
 одуловатое лицо
 окинуть взглядом (взором, глазом)
 окладистая борода

олимпийское спокойствие
 оправдать надежды (ожидания)
 осветить вопрос (обстановку, положение, момент)
 ослабить рот
 осыпать поцелуями
 осыпать упреками (похвалами)
 отбить атаку (нападение)
 отбить жену (мужа, любовника, любовницу, ухажера)
 отбить охоту (желание)
 отвесить поклон
 отвести глаза*
 отвести душу
 отколоть шутку (номер, штуку)

открыть счет
отлечь от души (отлегло от души,
от сердца)
оторвать взор (взгляд, глаза)
отрастить живот

отпеченный дурак (негодяй)
оттянуть срок (время)
отшибить память
очистить совесть
ощерить зубы

П

палата ума — ума палата
пальма первенства
палочная дисциплина
парное молоко
пасть духом
пачкать репутацию (нмя)
паусная икра
перебирать в уме (в памяти)
перевести взгляд (взор, глаза)
перевести дух (дыхание)
перистые облака
печать молчания
пик час — час пик
пиррова победа
питать надежду
платоническая любовь (страсть)
плести интриги (сплетни)
побить рекорд
по горло сыт — сыт по горло
погрязнуть в разврате (в долгах, в
невежестве)
подавать надежды
подвергнуть испытанию
подмоченная репутация (авторитет)
поднять базар (шум, крик)
поднять дух (настроение)
подорвать авторитет (доверие)
под сурдинку делать — делать под
сурдинку
подъем духа (сил)
пожимать плечами
покатываться со смеха
полишинеля секрет — секрет полиши-
неля
положить начало (конец)
поникнуть головой
понуришь голову
попирать права (законы)

порвать отношения (связи)
потерпеть поражение (провал, фи-
аско)
потупить голову (глаза, взор, взгляд)
предать забвению
по уши влюбиться — влюбиться по
уши
предать земле
предать проклятию (анафеме, позо-
ру)
прибрав к рукам
приковать внимание (взор, взгляд)
принять позу (вид, положение)
принять участие
припеваючи жить — жить припеваючи
приподнятое настроение
присвоить чин (звание)
притянуть к ответу
причинить вред (убытки)
причинить боль (страдания, огорче-
ния, неприятности, хлопоты)
пришить дело
пробудить интерес (охоту, желание,
страсть)
произвести впечатление
прожигать жизнь
прожужжать уши
прозрачный намек
пролить свет
пролить слезу*
проливной дождь
пронзить взглядом
прописная истина
проронить слово (словечко)
проторить дорожку*
пылать гневом (страстью, негодова-
нием, любовью)
пышные фразы

Р

разбить жизнь (счастье)
развеять тоску (печаль, грусть, со-
мнения)
разводить канитель (философию)
разводить руками
раздвигать вражду (ссору)
разинуть рот (пасть, клюв)
разносить сплетни (новости, слухи)
разыгрывать дурака (дурочку)

расквасить нос (коллено, лицо)
раскинуть умом (мозгами)
распускать руки (кулаки)
распускать слухи (сплетни, молву)
распускать слюни*
распускать язык
рассеять грусть (тоску, сомнения, пе-
чаль)
рассыпаться в похвалах

растительная жизнь
растяжимое понятие (вещь)
расшатать здоровье (нервы)
ревмя реветь
резать правду
резать слух (ухо, глаз)

репчатый лук
ровный счет
роза ветров
ронять достоинство (честь, авторитет)
рукопашный бой (драка, схватка)

С

сардоническая улыбка
свой человек
сгладить противоречия
сгорать от нетерпения (от любопытства, от любви, со стыда)
сдержат слово (клятву, обещание)
сеять рознь (вражду, смуту, раздор)
сеять ужас (панику, страх)
сиднем сидеть
сизифов труд
сильный пол
сиротская зима
скалить зубы
·сквитать обиду (долг)
скоропостижная смерть (кончина)
скрестить взгляды
с курами ложиться
·слабый пол
·слезно молить (просить)
слепая кишка

смертельная скука (злоба, ненависть, усталость, тоска)
сморозить вздор (чушь, чепуху, ерунду, глупость)
смыть позор (обиду, оскорбление)
снискать известность (славу, уважение, расположение)
собраться с силой (с духом, с мыслями)
сорвать банк
сорвать зло (злобу, обиду, сердце)
сорвать поцелуй
сорвать аплодисменты
сплетение обстоятельств
спустить план (директиву, указание)
строить догадки (планы, предположения)
стяжать славу (известность)
сутулить спину

Т

тарашить глаза
терзать слух (ухо)
телячий восторг (радость)
терпеть нужду (убытки, бедствие)
терять надежду
терять терпение (самообладание, выдержку)
теряться в догадках
тетеря глухая — глухая тетеря
толкучий рынок

тонкая работа
травить душу
трескучие фразы
трескучий мороз
тряхнуть стариной (молодостью)
тугой на ухо
тулая боль
тянущая время
тянуть канитель

У

убить время (годы, молодость)
убористый почерк
угрызения совести
улучить момент
умалить роль (значение)

упавший голос
установить порядок (тишину)
утолить жажду (аппетит, голод)
учинить разнос (расправу, допрос)

Х

халатное отношение
хватить горя
хлебнуть горя
ходуном ходить

ходячее мнение (выражение)
·холодная война
холодное оружие
хранить молчание (покой)

Ц

цветистые фразы

Ч

чеканить шаг
червь сомнения
черпать сведения (факты, материал)

чинить препятствия (преграды)
читать мораль (наставления, нраво-
учения, нотацию)

Ш

шальная пуля
шапочное знакомство

шемякин суд

Щ

щекотать самолюбие
щекотливый вопрос (обстоятельства,
момент)

щурить глаза

Э

эзопов язык

Ю

ювелирная работа (техника, отделка)

Я

яблоко раздора

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ». Изд-во Ленинградского ун-та, 1946.
2. В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: «А. А. Шахматов. 1864—1920». Сб. статей и материалов М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
3. В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., Учпедгиз, 1947.
4. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, № 5.
5. В. К. Поржезинский. Введение в языковедение, изд. 3. М., 1913.
6. Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Изд-во Ленинградского ун-та, 1963.
7. Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., «Просвещение», 1964.
8. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М., Изд-во АН СССР, 1950—1965.
9. Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова, изд. 2. М., «Советская энциклопедия», 1968.
10. С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. «Лексикографический сборник», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1957.
11. В. Н. Телля. Фразеология. В кн.: «Теоретические проблемы советского языкознания». М., «Наука», 1968.
12. Р. Н. Попов, М. И. Сидоренко. Рецензия на кн.: «М. Т. Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка». РЯШ, 1969, № 3.
13. В. П. Жуков. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом. РЯШ, 1969, № 3.
14. В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Изд-во Ростовского ун-та, 1964.
15. Словарь лингвистических терминов. Сост. О. С. Ахманова. М., «Советская энциклопедия», 1966.
16. Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка, изд. 2. М., «Высшая школа», 1969.
17. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема отдельности слова). В сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., Изд-во АН СССР, 1952.
18. Материалы (неизданного) «Словаря лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова. ВЯ, 1960, № 4.
19. Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов). Уч. зап. Ленинградского ун-та, серия ФН, № 138, вып. 24. Изд-во Ленинградского ун-та, 1956.
20. В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. В сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., Изд-во АН СССР, 1952.

21. Г. В. Валимова. О сочетаемости как свойстве языковых единиц. В сб.: «Вопросы изучения русского языка. Доклады шестой научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка». Ростовский-на-Дону пед. ин-т, 1963.

22. Л. И. Ефименко. Понятие фразеологической серии. В сб.: «Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка». Изд-во Ростовского ун-та, 1968; 3. Е. Смерчко. Серия именных фразеологических сочетаний с родителным присубстантивным типа *голос сердца* в современном русском языке. В сб.: «Вопросы истории и теории русского языка». Тульский пед. ин-т, 1970.

23. В. Н. Ключева. О синонимах и синонимическом словаре. «Краткий словарь синонимов русского языка», изд. 2. М., Учпедгиз, 1961.

24. Ю. Ю. Авалиани. Понятие структурообразовательной типологии фразеологических единиц. В сб.: «Материалы XXV научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои». Самарканд, ротa-принт, 1968.

25. Ф. А. Литвин. Инвариант и варианты при «деформации идном». В сб.: «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума». Тульский пед. ин-т, 1968.

26. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956.

27. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1925.

28. Существует различное понимание «устойчивости». См., например, работы В. Л. Архангелского, А. С. Аксамитова, И. А. Мельчука, М. М. Копыленко, Л. Я. Костючук.

29. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955.

30. Л. И. Ройзензон. Рецензия на кн.: «Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка». РЯШ, 1964. № 2.

31. А. П. Мордвилко. Очерки по русской фразеологии. М., «Просвещение», 1963.

32. Е. Курилович. Заметки о значении слова. ВЯ, 1955, № 3.

33. В. А. Звегинцев. Семасиология. М., Изд-во Московского ун-та, 1957.

34. Такое использование терминов «лексема» и «семема» см.: Н. И. Голстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. ВЯ, 1963, № 1.

35. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1. М., «Прогресс», 1960.

36. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова в 4-х томах. М., ОГИЗ, 1935—1940.

37. Ш. Балли. Французская стилистика. М., ИЛ, 1961.

38. А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.

39. В. П. Жуков. Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления. НДВШ, «Филологические науки», «Высшая школа», 1962, № 3.

40. В. П. Жуков. Фразеологизм и слово. Автореф. докт. дисс. Ленинградский пед. ин-т, 1967.

41. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, изд. 2, ч. 2. М., Учпедгиз, 1961.

42. В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. В сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., Учпедгиз, 1950.

43. Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., Изд-во Московского ун-та, 1963.

44. А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М., Изд-во АН СССР, 1962.

45. А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., Изд-во ЛГУ, 1968.
46. В. Л. Архангельский. Фразеологические серии в русской фразеологической системе. В сб.: «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (тезисы докладов межвузовской конференции). Череповец, Северо-Западное книжное изд-во, 1965.
47. Ю. А. Гвоздарев. О предмете фразеологии и ее объектах. В сб.: «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц», вып. 2, Тульский пед. ин-т, 1972.
48. Ю. В. Коваленко. Язык и идеология. В сб.: «Филологические этюды», вып. 1, «Языкознание». Изд-во Ростовского ун-та, 1972.
49. В. С. Виноградов. О некоторых семантических особенностях фразеологических сочетаний (на материале испанского языка). Уч. зап. Ленинградского ун-та, серия ФН, вып. 56. Изд-во Ленинградского ун-та, 1961.
50. Ю. Д. Апресян. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикографический сборник», вып. 5. М., Изд-во АН СССР, 1962.
51. Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., ИЛ, 1960.
52. Д. Н. Шмелев. О типах лексических значений слов. В сб.: «Проблемы современной филологии». М., «Наука», 1965.
53. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933.
54. В. А. Козьменко. Глагольно-именные фразеологические обороты в современном русском языке (обороты с глаголом делать). Автореф. канд. дисс. Харьков, 1955.
55. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка (XVII—XIX вв.), изд. 2. М., Учпедгиз, 1938.
56. Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии. ВЯ, 1969, № 2.
57. «Толковый словарь живого великорусского языка». Сост. В. И. Даль, в 4-х томах, изд. 6. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
58. «Грамматика русского языка», т. 2, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960.
59. Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., «Просвещение», 1966.
60. В. А. Мамонов, Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., «Высшая школа», 1957.
61. Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. ВЯ, 1964, № 6.
62. З. В. Валюшинская-Донскова. Глагольные фразеологизмы в качестве главного компонента словосочетания. В сб.: «Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении (тезисы докладов)». Изд-во Ростовского ун-та, 1961.
63. М. Т. Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка (опыт исследования фразеологических единиц по окружению). Баку, «Маариф», 1966.
64. Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., «Высшая школа», 1963.
65. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, изд. 2, ч. 2. М., Учпедгиз, 1961.
66. Достаточно вспомнить спор между Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким по поводу производности слов типа *буженина*, *малина*, *стеклярус*, *попадьа*, спор, так и не решенный до конца, хотя в последнее время сделаны попытки компромиссного решения этого вопроса. См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 4, 1946; А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. В сб.: «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. V. Изд-во Московского ун-та, 1948. См. так-

же: Е. С. Кубрякова. О типах морфологической членимости слов, квазиморфах и маркерах. ВЯ, 1970, № 2

67. См.: И. А. Мельчук. Обобщение понятия фразеологизма (морфологические «фразеологизмы»). В сб.: «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов межвузовской конференции». Северо-Западное книжное изд-во, 1965; Н. А. Янко-Триницкая. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1969, № 5.

68. «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского языка». М. «Наука», 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I. Категория фразеологических сочетаний и ее признаки	9
Глава первая. Понятие фразеологического сочетания	9
1. Понятие фразеологического значения слова	9
2. Общие признаки фразеологических сочетаний	18
3. Фразеологические сочетания и словосочетания других типов	20
Глава вторая. Типология фразеологических сочетаний	25
1. Виды фразеологически связанных значений слов	25
2. Типы внутренних отношений между компонентами ФС	30
3. Основные лексико-семантические типы фразеологических сочетаний русского языка	34
4. Грамматические типы фразеологических сочетаний русско- го языка	38
Глава третья. Серийность фразеологических сочетаний	43
1. Вопрос о системности русской фразеологии и понятие фразеологической серии	43
2. Серии фразеологических сочетаний	45
3. Фразеологические гнезда в русском языке	48
Часть II. Субстантивно-глагольные фразеологиче- ские сочетания	51
Глава первая. Лексико-семантические свойства субстан- тивно-глагольных фразеологических соче- таний	51
1. Лексико-семантические свойства именных компонентов	51
2. Лексико-семантические свойства глагольных компонентов	56
3. Лексико-семантические свойства различных типов суб- стантивно-глагольных фразеологических сочетаний	60

Глава вторая. Грамматические свойства субстантивно-глагольных фразеологических сочетаний	71
1. Грамматические связи и грамматические отношения между компонентами субстантивно-глагольных ФС	71
2. Внешние грамматические связи субстантивно-глагольных ФС	79
Выводы	87
Список фразеологических сочетаний, приведенных в работе	91
Примечания	98

ГВОЗДАРЕВ Юрий Анатольевич

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Редактор И. А. Пехтерева
Технический редактор Ю. В. Коваленко
Обложка В. М. Волкова
Корректор Л. А. Глариантова

Изд. № 33/743. Сдано в набор 23.IV 1973 г. Под-
писано к печати 1.VIII 1973 г. Формат 60x84/16.
Бумага газетная. Объем 6,5 физ. п. л., 5,85
усл. п. л., 5,76 уч.-изд. л. ПК 32686. Тираж 3000 экз.
Заказ № 70. Цена 58 коп.

Издательство Ростовского университета,
г. Ростов-на-Дону, 6, ул. Пушкинская, 140.

Типография имени М. И. Калинина Ростовского
областного управления издательств, полиграфии
и книжной торговли, 1-я Советская, 57.